

АЛЕКС СКАЙ

ЛАВКА
ИМЁН

ЛАВКА
ПОХИЩЕННЫХ
ИМЁН

ДРАКОН ПЛАТИТ ДВАЖДЫ

Алекс Скай

**Лавка похищенных имён.
Дракон платит дважды**

«Автор»

2026

Скай А.

Лавка похищенных имён. Дракон платит дважды / А. Скай —
«Автор», 2026

Её имя уже девять лет живёт в мире, где она никогда не была. Реставратор Вера Ланская открывает дверь из обычного архива — и оказывается хозяйкой таинственной Лавки имён. Документы уверяют, что она работала здесь много лет, незнакомцы её помнят, а в запертом ящике лежит повреждённая печать королевского дознавателя Каэля Ардена. Есть только одна проблема: Каэль — дракон. И он уверен, что именно Вера знает, кто украл часть его истинного имени. Пока они пытаются разобраться друг в друге, в городе начинают исчезать и меняться чужие имена — вместе с домами, правами и судьбами их владельцев. И очень скоро Вере придётся выяснить главное: если имя можно переписать, кто на самом деле имеет право решать, кем ты будешь?

© Скай А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дверь, которой вчера не было	5
Глава 2. Дракон требует своё	23
Глава 3. Люди, которых перестают узнавать	40
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Лавка похищенных имён. Дракон платит дважды

Глава 1. Дверь, которой вчера не было

Первое, что меня насторожило в книге, было не то, что на последнем листе появился текст, которого там не было утром.

Меня насторожило, что чернила оказались старше самой бумаги.

Я дважды сверила записи, потом отложила карандаш и ещё раз посмотрела на страницу под боковым светом. Ошибки в нашей работе случаются. Иногда прежний реставратор оставляет пометку и забывает указать её в отчёте, иногда владелец книги годами хранит внутри записку, которая окрашивает соседний лист, иногда следы ремонта оказываются настолько аккуратными, что обнаруживаются только спустя десятилетия.

Но бумага не умеет становиться моложе написанного на ней текста. По крайней мере, до семи часов вечера этого вторника я была в этом уверена. Я осторожно придвинула лампу ближе.

Старинная книга лежала передо мной на мягкой подставке, раскрытая почти у самого конца. Толстый переплёт потемнел настолько, что определить первоначальный цвет кожи было трудно. По краям сохранились остатки тиснения — тонкие переплетающиеся линии, напоминавшие то ли ветви, то ли письменные знаки. Металлическая застёжка на передней крышке выглядела значительно лучше самого переплёта и казалась подозрительно новой, хотя по документам книга не покидала архивного собрания больше восьмидесяти лет.

Именно из-за застёжки её и принесли ко мне.

Крепление расшаталось, один штифт вышел почти наполовину, а металл начал царапать край переплёта. Работа несложная, если не учитывать возраст книги и привычку старых вещей разрушаться именно в тот момент, когда ты решаешь, что самое опасное уже позади.

Я закончила укрепление почти час назад. Оставалось проверить листы, заполнить карточку состояния и отправиться домой.

Вместо этого я сидела в пустой реставрационной комнате и смотрела на фразу, которой не могла здесь быть.

Верните владельцу его имя.

Пять слов располагались примерно в центре последнего листа. Без подписи. Без даты. Без украшений. Я помнила эту страницу пустой.

Не в том смысле, в каком человек помнит десятки одинаковых листов и потом начинает сомневаться в собственной памяти. Последний лист я фотографировала перед началом работы. На нём имелось небольшое пятно в левом нижнем углу и едва заметная волнистость вдоль корешка, поэтому снимок был нужен для отчёта.

Текста на фотографии не было. Я достала телефон, открыла рабочую папку и увеличила утренний снимок. Пустой лист. Тёмное пятнышко. Волнистый край. Никаких пяти слов.

— Прекрасно, — тихо сказала я. — Теперь либо у меня появился очень талантливый коллега-шутник, либо кто-то решил разнообразить мне вечер.

Второй вариант нравился мне больше первого только потому, что предполагал наличие виновного.

Я встала и посмотрела на стеклянную дверь реставрационной комнаты. За ней тянулся короткий служебный коридор, дальше находились хранилище, лестница и помещение охраны. Большинство сотрудников ушло около шести. В соседней комнате ещё недавно работал Андрей из отдела каталогизации, но минут двадцать назад он заглянул ко мне, сказал, что сдаётся перед

пятничным отчётом, и пожелал не ночевать рядом с «этой мрачной древностью». Мы работали рядом шестой год и давно научились заботиться друг о друге без торжественных формулировок: Андрей напоминал мне поесть, когда я увлекалась работой, я вычитывала его каталожные описания перед сдачей. По четвергам, если оба задерживались, мы брали чай в круглосуточном кафе за углом и десять минут жаловались друг другу на людей, которые считают слово «срочно» полноценным техническим заданием.

Перед уходом Андрей постучал костяшками по дверному косяку и сказал: «Через полчаса спускаюсь за чаем. Если опять решишь победить древность в одиночку — возьму тебе обычный и оставлю на охране». Я ответила, что закончу раньше. В тот момент я действительно так думала.

Книгу при нём я не открывала.

Но даже если бы Андрей решил пошутить, незаметно добавить текст на старую бумагу за двадцать минут он бы не сумел.

Я снова села. Под увеличением буквы выглядели ещё страннее.

Почерк был аккуратным, но не каллиграфическим. У человека, написавшего эти слова, имелась привычка слегка приподнимать последнее движение в букве «я», а соединение в слове «владельцу» получалось почти непрерывным. Чернила легли глубоко, проникнув в волокна бумаги. Никакого свежего блеска. Никакого характерного расползания нового состава по старому листу.

Я проверила край одной буквы. Потом другой. Потом поймала себя на том, что уже несколько минут ищу подтверждение заранее невозможному выводу. Текст выглядел так, будто находился здесь много лет. Фотография утверждала, что утром его не существовало. Оба факта одновременно верными быть не могли.

Я взяла рабочий блокнот и написала на чистой странице:

«Последний лист. Надпись обнаружена после 19:00. Утреннее фото — без текста». Подчеркнула время.

Привычка фиксировать всё сначала казалась коллегам чрезмерной. Потом однажды именно такая запись помогла доказать, что трещина на миниатюре появилась ещё до передачи в наш отдел, и шутки прекратились.

Я вернулась к книге. Почему именно имя?

Текст внутри оказался куда менее загадочным, чем внешний вид переплёта. В основном это был реестр: десятки страниц фамилий, пометок, сумм, дат и сокращений, часть которых ещё требовала расшифровки. Заказчик — частный фонд, недавно передавший несколько старых томов на временное хранение, — просил прежде всего стабилизировать состояние, а не исследовать содержание.

У книги даже не было полноценного названия. В каталоге она проходила как «Реестр хозяйственных записей. Неустановленное происхождение. Конец XVIII — начало XIX века». Теперь это определение казалось мне всё менее убедительным. Я перелистнула несколько страниц назад. Имена. Николай Веденев. Мария Алтаева. Пётр Громов.

Несколько фамилий были зачёркнуты одной тонкой линией, рядом стояли непонятные значки. Я видела всё это днём и не придавала значения. В старых хозяйственных книгах встречаются куда более странные системы обозначений.

Но теперь фраза на последнем листе заставляла смотреть на список иначе. Я проверила почерк. Нет. Записи в реестре сделаны как минимум тремя людьми. Последняя фраза не совпадала ни с одним. Я открыла фотографию предыдущей страницы, затем нынешнюю. Всё правильно. Текст действительно появился после того, как книга оказалась у меня. Мысль прозвучала настолько глупо, что я почти рассердилась на саму себя. Не появился. Был добавлен. Кем-то. Каким-то способом.

Рациональное объяснение обязано было существовать, даже если пока я его не видела. Я потянулась за лупой и нечаянно задела застёжку. Металл оказался тёплым. Я отдернула руку. Несколько секунд просто смотрела на него.

В комнате было прохладно. Вентиляция после семи переходила в ночной режим, и металлические инструменты на моём столе становились холодными довольно быстро.

Застёжка не должна была быть тёплой. Я коснулась её ещё раз, уже кончиком пальца. Тёплая.

Не горячая, не обжигающая — просто ощутимо теплее окружающих предметов, словно кто-то до меня долго держал её в ладони.

На внутренней стороне металла я заметила неглубокую царапину. Нет, не царапину. Букву. Я повернула книгу.

Под лампой проступил крошечный знак, который раньше принимала за след износа. Потом рядом обнаружился второй, третий. Они шли по внутреннему краю застёжки, такие мелкие, что без увеличения почти сливались с фактурой металла.

Я наклонилась ниже. Знаки не были похожи ни на один знакомый мне алфавит.

— Вот теперь мне действительно интересно, кто тебя реставрировал до меня.

Книга, к счастью, не ответила.

Я выключила верхний свет над соседним столом, собираясь сделать фотографии под другим углом. Комната сразу стала теснее: осталось только жёлтое пятно рабочей лампы и отражение в стекле двери.

Где-то за стеной негромко щёлкнул замок. Наверное, охранник обходил этаж. Я сделала несколько кадров застёжки, перенесла фотографии на компьютер и увеличила одну. На экране знаки выглядели значительно отчётливее. Их было семь. Последний напоминал небольшую раскрытую дверь. Я нахмурилась.

Слишком образное сравнение для человека, который несколько часов смотрел на древнюю книгу и уже начал искать тайну там, где существовала обычная декоративная насечка.

Я собиралась закрыть файл, когда экран погас. Не перешёл в режим ожидания. Погас. Одновременно выключилась рабочая лампа.

— Только этого не хватало.

В коридоре тоже стало темно. Я подождала несколько секунд. Аварийное освещение обычно включалось почти сразу, но на этот раз ничего не произошло. Телефон показывал половину заряда. Я включила фонарик и направила луч к двери. На столе за моей спиной что-то тихо звякнуло. Я обернулась. Металлическая застёжка книги была открыта. Я совершенно точно закрыла её после последнего осмотра. Подошла ближе, посветила телефоном. Последний лист оставался раскрытым. Фраза никуда не исчезла.

Верните владельцу его имя.

— Очень смешно.

Голос прозвучал в темноте гораздо менее уверенно, чем мне хотелось.

Я не боялась старых книг. За восемь лет работы они успели преподнести мне достаточно сюрпризов: спрятанные записи, засохшие растения между страницами, двойные переплёты, чужие письма, фотографии людей, которых давно никто не помнил. Всё это было интересно, иногда печально, иногда неприятно, но всегда объяснимо.

Я не любила вещи, которые отказывались объясняться. Из коридора донёсся слабый скрип.

— Сергей Николаевич?

Ответа не было. Я взяла телефон и направилась к двери. Ручка была холодной, что почему-то успокоило. Вот она, нормальная реальность: холодный металл, отсутствие света, плохая проводка и охранник, который, вероятно, сейчас ругается этажом ниже. Я нажала на ручку. Дверь не открылась. Попробовала снова. Она словно зацепилась за что-то снаружи.

— Прекрасный вечер, Вера.

Я уже собиралась позвонить охране, когда за спиной снова раздался металлический щелчок. Застёжка. Я медленно повернулась. Телефонный фонарь выхватил книгу из темноты. На этот раз крышка была закрыта. Сама.

Я не пошла к ней сразу. Постояла несколько секунд, пытаюсь решить, чего именно боюсь больше: проверить книгу или признать, что всерьёз боюсь книги.

Потом раздражение всё-таки победило. Я подошла к столу и положила ладонь на верхнюю крышку. Застёжка была горячее прежнего. На внутреннем краю металла появился ещё один знак. Восьмой. Я наклонила телефон ближе. Он представлял собой тонкую вертикальную линию, пересечённую двумя короткими штрихами. Почему-то я знала, что утром его тоже не было. Не потому, что запомнила каждый миллиметр поверхности. Просто весь сегодняшний вечер складывался из вещей, которых утром не существовало.

Я решила больше ничего не трогать. Это было разумное решение. Я придерживалась его приблизительно три секунды. Потом подцепила застёжку салфеткой и осторожно открыла. Внутри ничего не изменилось. Последний лист. Фраза. Только теперь под ней проступило ещё одно пятно, тонкое, почти прозрачное, словно бумагу слегка увлажнили. Я отступила. Пятно расширялось. Это я уже видела совершенно отчётливо. По волокнам листа медленно расходилась тёмная линия. Потом ещё одна. Они складывались в очертание прямоугольника. Двери.

Такой же знак был на застёжке. Я не успела решить, что делать. Свет вернулся. Лампы вспыхнули одновременно, компьютер включился с тихим сигналом, а из коридора донёсся привычный гул вентиляции. Я резко выдохнула. На странице ничего не двигалось. Прямоугольник исчез. Осталась только первая надпись.

— Так, — сказала я вслух. — Этого достаточно.

Я закрыла книгу, на этот раз не застёгивая её, убрала фотографии и записи в папку, взяла сумку. Утром покажу всё заведующей отделом. Вместе проверим камеры, документацию, состояние бумаги и, если понадобится, ещё раз вызовем электрика.

Главное — уйти домой и перестать разговаривать с переплётом. Я подошла к двери. Она открылась сразу. За ней не было коридора. Я так и осталась стоять с рукой на дверной ручке. Первой мыслью было, что погасший свет всё-таки сделал со мной что-то нехорошее. Второй — что я каким-то образом открыла не ту дверь. Хотя в реставрационной комнате имелась только одна. За порогом лежала улица. Не двор учреждения. Не служебный проезд. Улица.

Широкая мостовая из светлого камня спускалась вниз между высокими домами. Нижние этажи занимали лавки с широкими окнами, над входами висели металлические вывески, большинство украшено тонкими золотистыми буквами. По мостовой двигалась закрытая четырёхколёсная карета, а у противоположного здания женщина в длинной синей юбке спорила с мальчишкой, державшим корзину с круглыми красными фруктами.

Дальше, над крышами, поднимались две тонкие башни, соединённые переходом. Я закрыла дверь. На секунду перед глазами снова появился наш коридор — серые стены, огне-тушитель в красном шкафу, табличка запасного выхода. Я открыла дверь. Мостовая. Закрыла. Коридор. Открыла. Незнакомый город.

— Нет.

Закрыла. Постояла. Открыла снова. Ничего не изменилось.

По улице прошёл мужчина в длинном тёмно-зелёном пальто. На плече у него сидела птица с серебристым оперением. Он мельком посмотрел в мою сторону и пошёл дальше.

Я закрыла дверь настолько осторожно, словно за ней стоял медведь, которого нельзя было тревожить. Коридор оставался на месте. Я вышла, сделала несколько шагов и оглянулась. Дверь реставрационной комнаты выглядела совершенно обычно. Вернулась внутрь. Книга лежала на столе. Всё остальное тоже находилось на своих местах. Я подошла к окну. За стеклом —

тёмный двор, припаркованные машины, фонари. Никаких башен. Я посмотрела на часы. 19:34. Нормальное время. Нормальный город. Нормальное окно.

За стенами архива меня ждала совершенно обычная жизнь: небольшая квартира, книги на подоконнике, недописанный отчёт и маршрут до работы, который я могла пройти почти не задумываясь. Я никогда не считала эту предсказуемость бедностью. После восьми лет реставрации я, наоборот, ценила мир, где странность можно зафиксировать, сравнить с исходником и в конце концов объяснить.

И совершенно ненормальная дверь. Вероятно, именно в этот момент следовало вызвать кого-нибудь. Охрану. Заведующую. Кого угодно. Я позвонила Сергею Николаевичу. Телефон показал набор номера, затем соединение оборвалось. Попробовала ещё раз. То же самое. Сообщения не отправлялись. Интернет исчез. Я проверила служебный телефон. Тишина.

Если бы я была героиней истории, в которой женщина сталкивается с невозможной дверью, я бы наверняка поступила разумно: закрыла её, дождалась утра и привела свидетелей.

К несчастью, я восемь лет проработала с архивами именно потому, что плохо переношу незакрытые вопросы.

Поэтому через минуту я стояла у порога с телефоном в руке и смотрела на незнакомую улицу.

Я не собиралась уходить далеко. Всего один шаг. Потом проверю, можно ли вернуться. Достаточно понять, что находится с другой стороны. Я переступила порог. Каменная мостовая оказалась настоящей. Это было глупое наблюдение, но первое, которое пришло мне в голову.

Подосва почувствовала неровность камня. С улицы тянуло прохладой и запахом свежего хлеба откуда-то справа. Вдалеке слышались колокола, разговоры, скрип колёс. Женщина у лавки раздражённо сказала что-то мальчику, и тот ответил ей вполне понятными русскими словами, хотя часть выражений показалась необычной.

Я обернулась. За спиной находилась узкая тёмная дверь в кирпичной стене. Не дверь реставрационной комнаты. Я схватилась за ручку и открыла. За ней была моя комната. Я почти рассмеялась от облегчения. Вот и всё. Дверь работает в обе стороны. Как именно она это делает, я понятия не имела, но по крайней мере путь назад существовал. Я сделала ещё несколько шагов по улице. Первое предположение — съёмочная площадка — продержалось около минуты. Слишком много людей. Слишком большой город.

Слишком мало камер, проводов, осветителей и тех, кто выглядел бы как персонал. К тому же никто вокруг не играл.

Люди торговались, несли корзины, ругались из-за слишком быстро проехавшей повозки, здоровались через улицу, торопились по своим делам. На углу мужчина открывал ставни лавки. Из окна второго этажа женщина вытряхивала небольшую тканую дорожку.

Самой странной деталью были вывески.

Над булочной висел золотой каравай, над мастерской — пара скрещённых игл. Некоторые названия я могла прочесть, хотя очертания букв немного отличались от привычных.

«Дом тканей Реваль». «Часовой мастер Эдмар Тисс». «Печатник Корвель». Я остановилась возле невысокой каменной тумбы, чтобы не мешать прохожим. Может быть, исторический квартал? Закрытая реконструкция? Я никогда о таком не слышала, но город большой. Правда, исторические реконструкции обычно не строят две башни высотой с двадцатипятиэтажный дом и не пускают между ними мост. На вершине одной башни вспыхнул голубой огонь. Я увидела его совершенно ясно. Никаких проводов. Никакого дыма.

Свет разгорелся в воздухе, сделал круг вдоль каменного шпиля и погас. Я уже собиралась вернуться в архив. Именно тогда меня окликнули.

— Госпожа Ланская?

Я обернулась.

Возле небольшого прилавка через дорогу стоял пожилой мужчина в коричневом жилете. Перед ним были разложены свёртки бумаги, коробочки и несколько деревянных рамок.

Он смотрел прямо на меня. Я машинально оглянулась, проверяя, нет ли за спиной другой Ланской. Никого.

— Простите?

Мужчина прищурился, затем удивлённо поднял брови.

— Я уж думал, вы опять сделаете вид, что меня не замечаете.

— Мы знакомы?

Он рассмеялся. Не зло и не настороженно. Так смеются, когда старый знакомый неожиданно говорит какую-то нелепость.

— Ну, если за три года можно успеть забыть человека через улицу, то, пожалуй, нет.

Мне стало холодно.

— Вы сказали «Ланская»?

Теперь он перестал улыбаться.

— Вера Ланская. А как ещё мне вас называть?

Я мгновение смотрела на него. Случайное совпадение имени и фамилии возможно. Существование другой Веры Ланской тоже возможно. То, что она похожа на меня настолько, что незнакомый мужчина принимает нас друг за друга, уже хуже.

— Думаю, вы ошиблись.

— С вами всё хорошо?

— Более или менее.

Ответ прозвучал слабее, чем хотелось. Мужчина внимательно меня осмотрел.

— Вы же Вера Ланская.

Это больше не было вопросом.

— Допустим.

— Хозяйка лавки имён.

Я не ответила. Он кивнул куда-то мне за спину.

— Дверь открыли наконец. Я сегодня утром видел, ставни всё ещё закрыты. Думал, вы опять куда-то уехали.

Я медленно повернула голову.

— Какой лавки?

Его выражение лица стало таким, будто странной здесь была именно я.

— Вашей.

— Где она?

— Вера, вы меня пугаете.

— Поверьте, это взаимно.

Он некоторое время колебался, потом вышел из-за прилавка.

— Вон туда. До перекрёстка и направо. Третий дом после мастерской Тильды. Вы точно в порядке?

— С этим вопросом пока разбираюсь.

— Хотите, я кого-нибудь позову?

— Пока не надо.

По его лицу было заметно, что ответ ему не понравился.

— Тогда хотя бы не уходите далеко. Если что — я здесь.

Я сделала несколько шагов и остановилась.

— Простите. А как вас зовут?

На этот раз он не рассмеялся.

— Варен Соль.

Он сказал это медленно, будто разговаривал с человеком, который сильно ударился головой.

— Спасибо.

Я пошла в указанную сторону. Первые десять метров мне хотелось обернуться и вернуться в архив. Через двадцать — тоже. На тридцатом я поняла, что уже ищу глазами мастерскую Тильды, хотя понятия не имела, кто такая Тильда.

Улица становилась уже. Дома здесь почти соприкасались верхними этажами, между окнами протянулись металлические фонари с матовыми стёклами. В одном из них свет появился сам собой, когда я проходила мимо.

Я остановилась. Свет погас. Сделала шаг. Зажёгся.

— Хорошо. Это я тоже пока запишу в список вопросов.

Прохожая с корзиной посмотрела на меня с любопытством. Я больше вслух не разговаривала. На перекрёстке нашлась мастерская Тильды.

Над дверью висела медная вывеска в виде раскрытого веера, а в окне стояло платье настолько сложного кроя, что я решила не выяснять, как его надевают.

Третий дом после мастерской был узким, двухэтажным, с тёмным фасадом и большими окнами первого этажа.

Я увидела вывеску раньше двери.

На чёрном дереве золотыми буквами было написано:

ЛАВКА ИМЁН

Ниже, значительно мельче:

Вера Ланская, хранитель

Я остановилась посреди тротуара. Потом подошла ближе. Провела пальцем по буквам. Настоящие. Дерево немного выцвело по краям. Золото местами стёрлось. Вывеска висела здесь не первый день. Моё имя тоже не выглядело добавленным недавно.

— Совпадение, — сказала я тихо.

Слово прозвучало неубедительно. Я посмотрела в окно. Внутри было темно.

На стекле отражалась женщина двадцати девяти лет в сером свитере, тёмных брюках и слишком современных для этой улицы ботинках. Волосы я утром собрала кое-как, и теперь несколько прядей выбились возле висков.

Никакой местной хозяйки лавки я в отражении не увидела. Только себя. Дверь оказалась заперта. Это почти обрадовало. Значит, сейчас я вернусь к Варену, скажу, что он ошибся, а утром... Я машинально опустила руку в карман. Пальцы коснулись чего-то металлического. Ключ. Я достала его. Длинный, тёмный, с круглой головкой. Я никогда раньше его не видела. Несколько секунд рассматривала собственную ладонь. Потом проверила другой карман, сумку, снова первый. Ключ никуда не исчез.

Накануне вечером я меняла пальто на куртку, а утром перекладывала телефон, пропуск и кошелёк. Никакого старинного ключа там не было.

Хотя после исчезающего текста и двери в другой город мои утверждения о том, чего утром не существовало, постепенно теряли убедительность.

Я вставила ключ в замок. Подошёл. Дверь открылась. Колокольчик над ней тихо звякнул. Внутри пахло деревом, бумагой и чем-то пряным, незнакомым. Я нащупала на стене выключатель и, разумеется, не нашла. Зато на стойке возле двери лежал металлический кружок размером с монету. Когда я вошла, он вспыхнул мягким золотистым светом. Следом загорелся второй под потолком. Потом третий.

— Конечно, — пробормотала я. — Почему бы и нет.

Лавка была меньше, чем казалась с улицы.

Вдоль стен стояли шкафы с узкими выдвижными ящиками, каждый снабжён небольшой латунной рамкой. На полках лежали книги, коробки и стопки плотных карточек. В центре рас-

полагался массивный стол, настолько исцарапанный, что на нём можно было изучать историю прежних владельцев.

На стене за столом висели часы. Стрелки шли. Это почему-то беспокоило меня сильнее светящихся ламп. Живое рабочее помещение. Кто-то находился здесь каждый день. Если верить вывеске — я. Я закрыла дверь.

— Есть кто-нибудь?

Ответа не последовало. За прилавком находилась ещё одна дверь. Я заглянула. Маленькая комната с диваном, шкафом и умывальником. На спинке стула висел женский тёмно-зелёный жакет. Я не стала его трогать. Вернулась к столу. На поверхности лежала открытая книга. Не древняя. Обычная рабочая, в плотной серой обложке. Первую строку я прочитала дважды.

Вера Ланская. Приходная запись за третий месяц осени.

Ниже шли имена, даты и суммы. Я перелистнула страницу. На полях встречались короткие пометки. Некоторые слова я понимала, некоторые нет. «Восстановление». «Подтверждение». «Временная запись». «Запрос Реестра». Рядом с несколькими строками стояла подпись. Моя. Я села. Разумеется, подпись можно подделать.

Мою — особенно легко. Когда мне было двадцать, я придумала красивую размашистую заглавную «Л» и через пару лет поняла, что у меня никогда нет времени выводить её полностью. В итоге она превратилась в узнаваемый крючок с длинным нижним штрихом.

В книге был именно этот крючок. Я перелистнула дальше. Ещё подпись. И ещё. Сначала меня поразило сходство. Потом — различие, которого не оказалось. Я подтянула книгу ближе. Проверила три подписи. Каждая линия повторяла предыдущую. Длина нижнего штриха. Расстояние между «В» и «Л». Наклон последней буквы. Даже крошечный изгиб там, где моя рука обычно меняет направление. Люди не подписываются так. Даже самый выверенный автограф меняется: положение кисти, скорость, поверхность, состояние пера. Микроскопические различия существуют всегда.

Здесь их не было. Подписи не были похожи. Они были одинаковыми. Будто одну и ту же подпись каким-то образом переносили на разные страницы. Я проверила поверхность пальцем. Никакой наклейки. След чернил действительно находился на бумаге. Взяла соседнюю книгу. Открыла середину. «Вера Ланская». Та же подпись. Другой год. Я посмотрела на дату. Почти девять лет назад. Мне двадцать девять. По этой книге двадцатилетняя Вера Ланская уже работала в лавке имён.

В двадцать лет я жила в общежитии, опаздывала на первую серьёзную практику и однажды испортила любимую белую рубашку реставрационным составом, после чего окончательно перешла на серые вещи.

Никакой лавки у меня не было. Никакого Варена Соля я не знала. Я никогда не видела этот город. На лестнице где-то в глубине здания скрипнула доска. Я подняла голову.

— Есть кто-нибудь?

Тишина. Я встала. За дальней дверью обнаружилась узкая лестница на второй этаж. Подниматься я не стала. У меня наконец появилось достаточно здравого смысла, чтобы не обследовать неизвестный дом в одиночку. Вместо этого вернулась к столу. Если кто-то хотел заставить меня поверить в выдуманную жизнь, он проделал колоссальную работу. Сотни записей. Разные книги. Состаренная бумага. Вывеска. Люди на улице. Ключ в моём кармане. Я открыла нижний ящик стола. Пусто. Второй был набит карточками.

Третий не поддался. Я потянула сильнее. Ничего.

На передней панели не было замка, только маленькая металлическая пластина размером с ноготь. На ней выгравирован тот же знак, который я видела на застёжке архивной книги: прямоугольник, напоминающий дверь.

Я замерла. Вот теперь совпадений стало слишком много. Архивная книга. Знак. Дверь между мирами. Лавка. Я провела пальцем по металлической пластине. Ничего. Нажала. Тоже

ничего. Потом вспомнила ключ от входной двери. Его головка была круглой, но по краю проходило несколько мелких выступов. Я вынула ключ и приложила головку к пластине. Раздался тихий щелчок. Ящик выдвинулся на несколько сантиметров.

— Наконец хоть что-то работает понятно.

Внутри лежали три предмета. Сложенный лист бумаги. Маленький пустой футляр. И чёрная металлическая пластина, похожая на печать. Я сначала взяла бумагу. Пустая. Перевернула. Тоже ничего. Футляр открывать не стала. Печать оказалась тяжёлой, холодной и неожиданно гладкой. Она была размером чуть меньше моей ладони, шестигранной, с тонким серебристым ободком. На одной стороне вырезано имя.

КАЭЛЬ АРДЕН

Под ним располагался сложный знак, в котором переплетались несколько линий. Я перевернула пластину. На обратной стороне — две глубокие насечки и круг с разрывом. Чужое имя. Чужая вещь. В ящике моего стола. В лавке, которая принадлежит мне уже девять лет. Сложно было представить обстоятельства, при которых всё это становилось нормальным. За дверью раздались шаги. На этот раз настоящие. Я положила бумагу на стол, но печать из рук выпустить не успела. Шаги остановились перед входом. Короткий стук.

Два удара. Пауза. Ещё один.

— Госпожа Ланская?

Мужской голос. Я не ответила сразу. Если местные считали меня хозяйкой лавки, лучше было хотя бы понять, кто пришёл.

— Да?

— Откройте дверь.

Она была не заперта. Я посмотрела на ручку. Посетитель, очевидно, тоже это понял, потому что через секунду дверь открылась сама. Колокольчик звякнул. На пороге стоял мужчина в длинной тёмной форме. Первое, что я отметила, — не внешность, а то, как быстро он осмотрел помещение. Дверь. Окна. Лестница. Стол.

Я.

Только после этого его взгляд остановился на моём лице.

Он был выше меня почти на голову, темноволосый, с резкими чертами и выражением человека, которому обычно не приходится дважды объяснять причину своего появления. На воротнике тёмного мундира поблёскивала серебряная эмблема, похожая на замкнутый круг с вертикальной чертой.

— Госпожа Ланская.

Не вопрос. Я сжала печать чуть крепче.

— Боюсь, сегодня все слишком уверены, что знают меня.

Его взгляд изменился едва заметно.

— Интересное начало разговора.

— У меня был интересный вечер.

— Это я вижу.

Он шагнул внутрь. Я не отступила, хотя очень хотелось.

— Вы кто?

Теперь пауза стала длиннее.

— Простите?

— Ваше имя.

Он смотрел на меня так, будто пытался определить, шучу ли я. Потом его взгляд опустился. На мою руку. На чёрную печать. Всё выражение его лица изменилось. Не резко. Но достаточно, чтобы я поняла: эта вещь значит значительно больше, чем я предполагала. Он закрыл дверь за собой. Колокольчик качнулся и затих.

— Положите это на стол.

— Сначала скажите, что это.

— Вы прекрасно знаете.

— Тогда сегодняшний вечер полон открытий. Потому что я не знаю вообще ничего.

Он сделал ещё один шаг.

— Вера Ланская.

Я невольно напряглась.

— Мы знакомы?

— Я начинаю сомневаться, что вы способны произнести хотя бы одну фразу без встречного вопроса.

— А я начинаю сомневаться, что здесь кто-нибудь способен нормально представиться.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Потом мужчина медленно снял перчатку с правой руки и показал мне маленький знак на внутренней стороне запястья. Круг с разрывом. Точно такой же, как на обратной стороне печати. У меня неприятно сжалось внутри.

— Каэль Арден, — сказал он.

Я перевела взгляд на металлическую пластину в своей руке. Потом обратно на него. Имя совпадало.

— Значит, это ваше.

— Тогда, возможно, объясните, почему оно лежало в запертом ящике моего стола.

— Вашего?

Впервые в его голосе появилось что-то похожее на неподдельное удивление.

— Так утверждает вывеска. И примерно три килограмма документов.

Его взгляд скользнул к раскрытым книгам.

— Вы открывали реестры?

— Если вы имеете в виду эти книги, да.

— Что именно вы там искали?

— Доказательство, что сошла с ума не я.

— И как успехи?

Я посмотрела на него.

— Пока город лидирует.

Уголок его рта едва заметно дёрнулся, но через секунду лицо снова стало серьёзным.

— Печать.

Он протянул руку. Я не отдала.

Не потому, что собиралась присвоить чужую вещь. Просто единственный человек, который, похоже, действительно понимал происходящее, собирался забрать улику и уйти, не объяснив ничего.

— Сначала один ответ.

— Вы не в том положении, чтобы ставить условия.

— Не уверена. Ваше имя почему-то оказалось у меня.

Он замер. Я сразу поняла, что сказала что-то не то. Не опасное, возможно. Но важное.

— Повторите.

— Я сказала, что вещь с вашим именем лежала в моём ящике.

— Вы сказали: «Ваше имя оказалось у меня».

— Это называется сокращать длинные предложения.

Каэль больше не выглядел раздражённым. Теперь он смотрел на меня значительно внимательнее.

— Кто ещё видел печать?

— Никто.

— Вы её использовали?

— Я даже не знаю, как её используют.

— Кто открыл вам ящик?

— Я сама.

— Каким образом?

— Ключом.

— Каким ключом?

Я достала металлический ключ и положила рядом с бухгалтерской книгой. Каэль посмотрел на него. Потом на меня.

— Где вы его взяли?

— В кармане.

— И откуда он там появился?

— Если узнаете, сообщите. Заодно объясните, почему люди на улице считают, что знают меня, почему эта лавка принадлежит мне девять лет и почему во всех книгах стоит моя подпись, хотя я никогда её не ставила.

Он молчал. За окном прошли двое мужчин, о чём-то споря. Их голоса быстро удалились. В лавке снова стало тихо. Каэль подошёл к столу и посмотрел на раскрытую книгу.

— Никогда?

— Никогда.

Он перевернул страницу. Ещё одна моя подпись. Потом следующую.

— Как давно вы здесь?

— В этой лавке? Минут двадцать.

Он медленно поднял голову.

— Я спрашиваю о городе.

— Примерно столько же.

Теперь он смотрел на меня без всякого намёка на раздражение. Только очень внимательно.

— Откуда вы пришли?

Я указала в сторону улицы.

— Через дверь.

— Какую дверь?

— Вот это уже длинная история.

— У меня достаточно времени.

— А у меня не особенно. Я бы предпочла вернуться домой до того, как выяснится, что дверь умеет исчезать.

Его взгляд стал жёстче.

— Какая дверь?

— Та, которая ведёт в мой архив.

— В какой архив?

— Вы всегда допрашиваете людей, не объясняя, почему они вообще должны вам отвечать?

— Обычно люди знают, кто я.

— Сегодня явно необычный день.

Каэль выпрямился.

— Я королевский дознаватель.

Это объясняло форму. И манеру разговаривать так, словно весь мир представлял собой плохо организованный протокол.

— Хорошо. Тогда, господин королевский дознаватель, я Вера Ланская. Судя по вывеске — хранитель. Что бы это ни означало. Двадцать минут назад я впервые в жизни увидела этот город. Примерно десять минут назад обнаружила, что здесь существую уже девять лет. А две минуты назад нашла вашу печать в запёртом ящике. Теперь вы знаете почти всё, что знаю я.

Он не ответил.

— Печать отдайте.

— Если она ваша — пожалуйста.

Я протянула ему чёрную пластину. Каэль не взял её сразу. Его пальцы остановились в нескольких сантиметрах. Потом он осторожно коснулся края. По серебристому ободку пробежала тонкая линия света. Я едва не выпустила печать. Каэль резко сжал её. Свет исчез.

— Это нормально? — спросила я.

Он посмотрел на пластину.

— Нет.

— Замечательно. Хоть в чём-то мы согласны.

Он провёл большим пальцем по кругу с разрывом и нахмурился.

— Она была именно в этом ящике?

— Да.

— Одна?

— Ещё пустой футляр и лист.

— Покажите.

Я протянула бумагу. Каэль развернул её. Несколько секунд смотрел.

— Здесь ничего нет, — сказала я.

— Для вас.

— Что это значит?

Он перевёл взгляд на меня.

— Вы действительно не видите?

Я подошла ближе. Белый лист. Ни буквы. Ни знака. Ни пятна.

— Нет.

Каэль медленно сложил бумагу.

— Очень интересно.

— Ненавижу, когда люди говорят это таким тоном.

— Каким?

— Тем, после которого моя жизнь обычно становится сложнее.

Он снова посмотрел на меня.

— Боюсь, госпожа Ланская, она уже стала.

— Хотелось бы подробностей.

— Позже.

— Нет.

— Простите?

— Я только что отдала вам вещь, которую вы явно искали. Взамен хочу хотя бы понять, почему она находилась у меня.

— Потому что кто-то её сюда положил.

— Спасибо. Расследование можно считать завершённым.

Он проигнорировал насмешку и повернулся к окну. Я впервые заметила, что снаружи уже почти стемнело. Золотые фонари вдоль улицы горели один за другим. Над крышами снова вспыхнул голубой свет. Каэль проследил за ним взглядом.

— Вам нельзя оставаться здесь одной. Потому что если ваша история правдива, кто-то подготовил эту лавку к вашему появлению задолго до того, как вы сюда пришли.

Я перестала улыбаться.

— Вы тоже заметили даты.

— Я заметил их несколько лет назад.

— Вы бывали здесь?

Вопрос заставил его повернуться.

— Разумеется.

— И встречались со мной?

Он открыл рот, но не ответил сразу. Вот она. Первая настоящая трещина в его уверенности.

— Не помню, — сказал он наконец.

— Но знали, что лавка принадлежит Вере Ланской.

— И никогда не видели хозяйку?

— Видел.

— Меня?

Каэль нахмурился.

— Я был уверен, что да.

По спине пробежал холод.

— Что значит «были уверены»?

— Я помню, что знал хозяйку этой лавки. Помню её имя. Помню, что несколько раз приходил сюда по службе.

— А лицо?

Он молчал.

— Разговоры?

Тишина.

— Хоть одну встречу?

Каэль покачал головой. Я подошла к столу и опёрлась ладонями о край. До этой минуты существовала хотя бы возможность, что всё построено вокруг ошибки, совпадения, чужого имени. Теперь её почти не осталось. Город не просто считал меня своей жительницей. У города были воспоминания обо мне. Пустые, как лист в руках Каэля.

— Кто мог такое сделать?

— Этим вопросом я занимаюсь уже некоторое время.

— Из-за печати?

Он посмотрел на чёрную пластину.

— В том числе.

— И что теперь?

Каэль спрятал её во внутренний карман формы.

— Теперь вы закроете лавку и пойдёте со мной.

— Куда?

— Туда, где мы сможем поговорить без посторонних.

— Звучит не слишком успокаивающе.

— Я не пытаюсь вас успокоить.

По крайней мере честно.

— А если я откажусь?

— Тогда мне придётся решить, являетесь ли вы свидетелем, жертвой или человеком, который украл мою печать и придумал крайне необычную историю, чтобы объяснить, почему держал её в запечатом ящике.

— То есть выбор между «идти добровольно» и «идти не совсем добровольно».

— Вы быстро понимаете.

— Только когда мне угрожают достаточно ясно.

Он подошёл к двери. Я не двинулась.

— Что?

— Вы действительно хотите оставить здесь все эти книги?

— Нет. Я хочу вернуться домой.

— В архив.

— Через дверь, которую можете показать только вы.

— Теперь начинаете понимать.

Каэль положил руку на ручку, потом посмотрел на меня через плечо.

— Тогда начнём с этой двери.

Я взяла сумку, ключ и на всякий случай закрыла бухгалтерскую книгу. Потом остановилась.

— Каэль.

Он поднял бровь.

— Что?

— Когда вы вошли, вы сказали так, будто ждали меня.

— Я ждал.

— Почему?

Он несколько секунд смотрел на меня. Потом достал из кармана чёрную печать и положил её на ладонь. По серебристому краю снова прошёл слабый свет. На этот раз я заметила то, чего не увидела раньше. Круг на обратной стороне был не просто разорван. В нём отсутствовал кусок. Будто часть знака аккуратно вырезали. Каэль закрыл ладонь.

— Потому что эта печать исчезла четыре дня назад, — сказал он. — Из места, куда посторонний человек попасть не мог.

— И вы нашли её здесь.

— В моей лавке.

— Хотя, по моим словам, я появилась в городе сегодня.

— Именно.

Мне очень не понравилось слово «по моим словам».

— Значит, вы мне не верите.

— Я пока не решил.

— Тогда зачем пришли сюда именно сегодня?

Он помолчал. В его лице снова появилось то выражение, с которым он впервые увидел печать в моей руке.

— Потому что час назад, госпожа Ланская, ваша лавка открылась сама.

Я посмотрела на дверь.

— Что значит «сама»?

— Эта дверь была запечатана девять дней. Никто не мог войти. Ни владелец здания, ни городской мастер, ни люди Реестра.

— А сегодня?

— Сегодня печать на двери исчезла.

— Когда?

Каэль встретился со мной взглядом.

— В тот самый момент, когда в городском Реестре впервые за девять лет появилась новая запись, сделанная от вашего имени.

Я медленно выпрямилась.

— Какая запись?

Он смотрел на меня так, будто теперь хотел услышать ответ ещё сильнее, чем я.

— Всего одна строка.

— Какая?

Каэль достал из внутреннего кармана сложенный лист и положил его на стол. На бумаге стояла моя подпись. Абсолютно такая же, как сотни других.

Под ней было написано:

«Вера Ланская вернулась».

Я перечитала строку. Потом ещё раз.

— Я этого не писала.

— Надеялся услышать что-нибудь убедительнее.

— А я надеялась сегодня закончить работу вовремя. У всех бывают неудачные вечера.

Он забрал лист. Я посмотрела на часы на стене. Потом на дверь. До моего архива отсюда было несколько минут пешком, если невозможная дверь всё ещё существовала. Нужно просто вернуться. Закрыть эту лавку. Уйти в привычный мир. А потом уже думать обо всём остальном.

— Хорошо, — сказала я. — Идём.

Каэль открыл дверь. На улице почти никого не осталось.

Мы вышли, и я повернула ключ в замке. Он сработал легко, словно я действительно проделывала это каждый день много лет подряд.

И именно тогда я поняла, что не помню, с какой стороны пришла. Переулки выглядели совсем иначе в сумерках.

— Что такое? — спросил Каэль.

— Ничего.

— Вы остановились.

— Пытаюсь вспомнить дорогу.

— До собственного перехода?

— До двери, которая появилась сегодня вечером. Простите, что не успела нанести её на карту.

Он тяжело вздохнул.

— Откуда вы пришли?

Я указала примерно в сторону широкой улицы.

— Там был торговец. Варен Соль.

Каэль резко повернул голову.

— Кто?

— Варен Соль. Он первым меня узнал.

Несколько секунд он молчал.

— Опишите его.

— Лет шестьдесят. Коричневый жилет. Торгует бумагой, коробками, рамками. Прилавок возле перекрёстка.

Каэль больше не двигался.

— В смысле?

— Здесь нет торговца по имени Варен Соль.

— Есть. Я с ним разговаривала двадцать минут назад.

— Я знаю всех владельцев постоянных лавок на этой улице.

— Очень рада за вас.

— И прилавка с бумагой возле перекрёстка там тоже нет.

Мне стало не по себе.

— Хотите сказать, я его придумала?

— Я хочу увидеть это место.

Мы почти побежали. Первый перекрёсток. Второй. Вот мастерская Тильды. Вот улица, по которой я пришла. Я сразу узнала угол.

— Здесь.

Каэль остановился. Прилавка не было. Только каменная стена дома. Пустая. Без навеса. Без ящиков. Без рамок. Даже мостовая выглядела так, будто здесь годами ничего не стояло. Я подошла ближе.

— Нет.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Он стоял вот здесь.

На стене висела маленькая медная табличка. Я поднесла свет телефона ближе. На ней было выгравировано имя.

Варен Соль.

Под ним две даты. Между ними — семьдесят три года. Последняя дата относилась к периоду больше двадцати лет назад. Я перестала дышать. Каэль подошёл ко мне. Некоторое время он тоже смотрел на табличку.

— Кто он? — спросила я.

— Когда-то здесь находилась мастерская Соля.

— Когда-то?

— Её закрыли после его смерти.

Я повернулась к нему.

— Я только что с ним разговаривала.

— Тогда, госпожа Ланская, у нас появилась ещё одна проблема.

— У меня их уже достаточно.

— Боюсь, эта хуже остальных.

Я хотела спросить, почему. Не успела. Где-то позади нас прозвучал звон. Тот самый колокольчик над дверью моей лавки. Мы оба одновременно обернулись. Улица между нами и лавкой была пустой. Но её дверь стояла открытой. Изнутри лился золотой свет. Каэль уже двигался туда, когда я заметила человека возле входа. Тёмная фигура появилась всего на секунду. Кто-то положил ладонь на дверной косяк, повернул голову в нашу сторону и исчез внутри.

— Там кто-то есть.

Каэль перешёл на бег. Я бросилась следом. До лавки оставалось совсем немного, когда её дверь захлопнулась. Золотой свет в окнах погас. Каэль первым добрался до входа и дёрнул ручку. Заперто. Я достала ключ.

— Отойдите.

Он уступил место. Ключ вошёл в замок. Я повернула его. Ничего. Ещё раз. Замок не поддался.

— Пять минут назад работал.

Каэль положил ладонь на дверь. По дереву пробежала тонкая серебристая линия. Он резко отдёрнул руку.

— Что?

— Она снова запечатана.

— Кем?

Он не ответил. На чёрной поверхности двери медленно проступили буквы. Не светящиеся. Не нарисованные. Они словно поднимались из самого дерева. Я читала их по мере появления.

Вера Ланская.

Под именем возникла вторая строка.

Хранитель вернулся.

Я почувствовала, как Каэль посмотрел на меня.

— Я этого не делала.

— Верю.

Это прозвучало настолько неожиданно, что я повернулась к нему.

— Серьёзно?

— Потому что если бы это сделали вы, у нас была бы значительно более простая проблема.

На двери появилась третья строка. Она была короче.

Долг открыт.

Каэль побледнел. Впервые с момента нашего знакомства он выглядел человеком, который действительно не знает, что делать дальше.

— Что это означает?

Он не ответил.

— Каэль.

Тот посмотрел на меня. Потом достал из внутреннего кармана свою чёрную печать. На её поверхности появилась тонкая трещина. Изнутри пробивался серебристый свет. Каэль перевернул её. Круг на обратной стороне изменился. В нём не хватало уже не одного фрагмента. Двух.

— Вот теперь, — тихо сказал он, — я точно знаю, что ваше появление здесь не случайность.

— Откуда?

Он сжал печать в ладони.

— Потому что до сегодняшнего вечера моё имя было целым.

Я смотрела на него, пытаюсь понять смысл услышанного. На дверь. На появившиеся слова. На чёрную печать. На человека, который час назад был для меня совершенно неизвестен. Всё, чего мне хотелось ещё совсем недавно, — закончить работу с одной старой книгой и уйти домой.

Теперь где-то за невозможной дверью остался мой мир, человек, умерший двадцать лет назад, недавно разговаривал со мной на улице, а чужое имя каким-то образом разрушалось в моём присутствии.

Каэль убрал печать. Его взгляд снова стал собранным и жёстким.

— Мы уходим.

— Куда?

— Туда, где вы будете в безопасности.

— Вы же только что говорили, что не знаете, кто я.

— Не знаю.

— Тогда с чего вы решили, что мне безопасно идти с вами?

Он посмотрел на запечатанную дверь.

— Потому что тот, кто открыл эту лавку ради вашего возвращения, уже знает о вас значительно больше, чем мы оба.

— Это должно было меня успокоить?

— Нет.

Он сделал шаг, потом остановился и повернулся.

— И ещё одно.

— Что?

Каэль посмотрел прямо на меня.

— Если кто-нибудь сегодня назовёт вас по имени, прежде чем вы представитесь, не отвечайте.

Я невольно взглянула на табличку Варена Соля.

— Почему?

Вместо ответа он посмотрел на запёртую лавку. За её тёмным окном что-то блеснуло. На долю секунды мне показалось, что по другую сторону стекла стоит женщина. В отражении я увидела знакомый силуэт. Собственное лицо. Только одежда была другой. А потом окно снова стало пустым. Каэль заметил мой взгляд.

— Что вы увидели?

Я не сразу ответила.

— Кажется, меня.

Он повернулся к окну. Там уже ничего не было.

— Это невозможно.

После всего, что произошло за последний час, выбор слова показался почти оскорбительным.

— С этим утверждением у меня сегодня особенно сложные отношения.

Каэль медленно выдохнул.

— Идём, Вера.

На этот раз я не стала спорить.

Мы двинулись по тёмной улице, оставляя позади лавку, которая носила моё имя задолго до того, как я впервые увидела этот город.

Я прошла всего несколько шагов, когда за спиной снова звякнул колокольчик. Мы остановились одновременно. Дверь оставалась закрытой. Но на деревянной панели появилась ещё одна строка. Совсем маленькая. Я подошла ближе и прочитала.

Верните владельцу его имя.

Те же пять слов. Точно такая же фраза, которую я увидела на последнем листе старой книги. Только теперь я наконец понимала одно. Речь шла не о книге. И, судя по лицу Каэля Ардена, владельца этого имени я уже встретила.

Глава 2. Дракон требует своё

Мы отошли от лавки на полквартала, прежде чем Каэль решил, что молчал достаточно долго.

— Вы понимаете, что находились в помещении с моей именной печатью без законного основания?

Я встретила с ним взглядом.

Улица постепенно пустела. Золотистые фонари загорались над дверями домов один за другим, и теперь я уже почти не обращала внимания на то, что никто к ним не подходил. После разговора с человеком, умершим больше двадцати лет назад, самозажигающийся свет утратил право считаться главным событием вечера.

— Я правильно услышала? — спросила я. — Вы решили обвинить меня?

— Я задал вопрос.

— В форме обвинения.

— У вас была моя печать.

— В запёртом ящике стола, принадлежащего женщине, которой, по вашим же словам, меня считают последние девять лет.

— Это не объясняет, как печать туда попала.

— Совершенно верно. Поэтому вместо обвинений можно попробовать выяснить, как печать туда попала.

Каэль шёл рядом, не ускоряя шага, но создавалось впечатление, что темп выбирает именно он. Я могла остановиться, свернуть или вообще сесть на ближайшее крыльцо, однако какая-то часть меня уже приняла неприятную истину: до тех пор, пока я не найду ту невозможную дверь обратно, этот человек был единственным, кто хотя бы частично понимал правила происходящего.

Доверия это не прибавляло.

— Незаконное хранение именной печати королевского дознавателя относится к тяжёлым нарушениям, — произнёс он.

— Прекрасно. А незаконное помещение такой печати в чужой стол к чему относится?

Каэль чуть повернул голову.

— Вы утверждаете, что стол чужой?

— Я утверждаю, что увидела его впервые сегодня.

— Документы говорят другое.

— Документы можно подделать.

— В таком количестве?

— Количество не делает подделку подлинником.

Он ничего не ответил.

Я продолжила:

— И ещё один вопрос. Если я украла вашу печать, зачем мне оставлять её в собственном рабочем столе?

— Возможно, вы собирались воспользоваться ею позже.

— Тогда почему я не знаю, как ею пользоваться?

— Это пока известно только с ваших слов.

— А если я настолько талантливая преступница, что девять лет создавала себе фальшивую жизнь, научилась проходить через закрытые двери и красть вещи из недоступных помещений, не кажется ли вам странным, что при встрече с владельцем украденной печати я стояла посреди комнаты и держала её на виду?

На этот раз он промолчал дольше. Я почувствовала небольшое, совершенно детское удовлетворение.

- Вы всегда так разговариваете с дознавателями? — спросил он наконец.
- До сегодняшнего дня у меня не было возможности выяснить.
- Это заметно.
- А вы всегда обвиняете людей до того, как доказали хотя бы одно обвинение?
- Я вас не обвинял.
- Тогда у вас необычный способ проявлять дружелюбие.
- Я не проявлял дружелюбие.
- Вот здесь никаких вопросов.

В другое время такой разговор показался бы мне абсурдным. Сейчас он помогал удерживаться за что-то знакомое. Пока мы спорили, Каэль оставался раздражающим мужчиной с должностными полномочиями, а не частью мира, где мёртвые торговцы разговаривают на улице, двери ведут неизвестно куда, а на деревянных панелях сами собой появляются сообщения.

Проблема заключалась в том, что знакомого вокруг становилось всё меньше.

Мы вышли на более широкую улицу. Здесь было оживлённее: по мостовой проехал экипаж с закрытым верхом, у входа в высокое здание стояли двое мужчин в одинаковых серых куртках, а из соседнего переулочка выкатили тележку с аккуратно сложенными деревянными ящиками. Один из фонарей над нами зажётся слишком ярко, потом свет уменьшился до обычного.

Я машинально подняла голову.

— Они действительно загораются сами?

— Что именно?

— Фонари.

Каэль посмотрел на ближайший.

— Разумеется.

— Что именно?

— Ничего.

Он нахмурился.

— Вы никогда не видели городских светильников?

— Видела. Просто наши обычно требуют несколько больше участия со стороны людей.

— Ваши?

— В моём городе.

— В каком городе?

Я открыла рот и закрыла. Вот здесь начиналась часть разговора, которой я до сих пор избегала даже мысленно. Сказать ему правду означало произнести её вслух. А некоторые вещи почему-то становятся значительно реальнее после того, как получают слова.

— Это сложно объяснить.

— Попробуйте.

— Сначала вы.

— Что именно?

— Докажите, что печать действительно ваша.

Каэль остановился. Я сделала ещё два шага, прежде чем заметила, что он больше не идёт, и обернулась.

— Вы нашли её с моим именем.

— Имя ещё ничего не доказывает.

— Вы видели знак на моей руке.

— Такой же знак можно нанести.

Его взгляд стал холоднее.

— Вы сомневаетесь в моей личности?

— Я сомневаюсь во всём, что произошло за последний час. Это кажется вполне разумной позицией.

— Я представился.

— Я тоже могу представиться королевой. Это не создаст мне корону.

— Такой способ проверки у вас принят?

— У нас принято не отдавать подозрительным незнакомцам важные вещи только потому, что они сурово произнесли своё имя.

— Печать вы уже отдали.

— И теперь начинаю подозревать, что поспешила.

Каэль несколько секунд изучал меня, затем оглянулся. Улица оставалась достаточно людной, но никто не обращал на нас внимания.

— Хорошо, — сказал он.

— Что хорошо?

— Вы хотели доказательство.

Он протянул правую руку. Я ожидала, что он снова покажет знак на запястье. Вместо этого Каэль растегнул металлическую застёжку на манжете и закатал рукав чуть выше. На коже проступили тонкие тёмные линии. Сначала я решила, что это странная татуировка. Потом линии шевельнулись. Я отступила.

По его запястью медленно прошёл золотистый отблеск, будто под кожей на секунду зажглась тонкая нить света. Рисунок изменился, вытянулся вверх по предплечью и распался на отдельные блестящие участки.

Не линии. Чешуя. Настоящая.

Небольшие плотные пластины возникали одна за другой, перекрывая друг друга, словно всегда находились там и только сейчас стали видимыми.

Воздух рядом с Каэлем нагрелся. Не постепенно.

Ещё секунду назад на улице было прохладно, а потом я ощутила сухое тепло, как если бы оказалась слишком близко к раскалённой печи.

Я перестала слышать половину уличных звуков. Смотрела только на его руку. Каэль поднял глаза. Они тоже изменились. Зрачок стал узким, почти вертикальным. Цвет радужки потемнел до густого янтарного оттенка, в котором при свете фонарей появлялись золотые искры. Мой разум добросовестно перебрал несколько объяснений. Контактные линзы. Сложная театральная накладка. Неизвестная технология. Иллюзия. Фокус. Ни одно не объясняло жар. Ни одно не объясняло то, что я видела, находясь в нескольких шагах от человека.

Я протянула руку, сама не понимая зачем, но остановилась, не коснувшись его. Каэль заметил движение.

— Не стоит.

— Почему?

— Сейчас горячо.

— Я заметила.

Голос у меня звучал относительно нормально, чем я могла только гордиться. Он опустил рукав. Чешуя исчезла постепенно, словно растворяясь под кожей. Последним пропал золотой блеск. Его глаза снова выглядели человеческими. Я всё ещё смотрела.

— Этого достаточно?

— Для какого именно вопроса?

— Для подтверждения личности.

— Нет.

На его лице впервые появилось настоящее замешательство.

— Нет?

— Вы доказали, что вы... кто вы?

Он молчал. Я догадалась сама, но произнести это слово оказалось неожиданно трудно.

— Дракон?

— Да.

Ответ был произнесён настолько буднично, что я чуть не рассмеялась. Не потому, что было смешно. Просто какой-то внутренний механизм, отвечающий за нормальное восприятие реальности, очевидно, решил уволиться.

— То есть вы дракон.

— Я уже ответил.

— Настоящий?

— Других видов драконов я не знаю.

Я провела ладонью по лицу.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Нет. Совершенно не хорошо. Но спорить с увиденным бессмысленно.

Каэль внимательно следил за мной.

— Вы действительно никогда прежде не видели драконов.

Это было не вопросом.

— Только в виде изображений.

— Каких изображений?

— Нарисованных.

Он чуть нахмурился.

— Где вы жили?

Потом на улицу. На самозагорающиеся фонари. На человека, который мгновение назад покрывался чешуёй. И только сейчас по-настоящему поняла то, что до этого пыталась держать на расстоянии. Это не историческая реконструкция. Не неизвестный район. Не чья-то очень сложная постановка. Не место, которое я каким-то образом не замечала на карте собственного города. Мир вокруг был другим. Не метафорически. Не «словно другим». Другим буквально.

Я попала туда, где драконы служили королевскими дознавателями и считали магические фонари настолько обыденными, что удивлялись моим вопросам.

От осознания мне стало одновременно холодно и жарко.

— Вера?

Я подняла взгляд.

— Мне нужно минуту.

— У нас нет минуты.

— Тогда вам придётся её найти.

Я отошла к стене ближайшего дома и прислонилась спиной к камню. Он был холодным. Настоящим. Это почему-то помогало.

Мне хотелось думать о двери в архив, потому что она означала возможность вернуться. Но мы оставили её где-то позади, и я уже не была уверена даже в том, что смогу найти нужную улицу. Кроме того, возле лавки произошло достаточно невозможного, чтобы надежда на простой обратный путь выглядела наивной.

Каэль подошёл ближе, но не торопил.

— Итак, — сказала я спустя некоторое время. — Допустим, вы дракон.

— Очень щедро с вашей стороны.

— И вы всё ещё не доказали, что печать принадлежит вам.

Он посмотрел на меня почти с возмущением.

— На ней моё имя.

- Мы вернулись к началу.
- Я показал вам родовой знак.
- Вы показали, что вы дракон и на вашей руке существует похожий символ. Я понятия не имею, что он означает.
- Это знак Арденов.
- Откуда мне знать?
- Каэль сжал челюсти.
- Вы намеренно усложняете разговор.
- Нет. Я впервые за вечер пытаюсь не принимать на веру всё подряд.
- Тогда какой способ доказательства вас устроит?
- Документ.
- Он коротко усмехнулся.
- Вы только что объясняли мне, что документы можно подделать.
- Значит, несколько независимых подтверждений.
- Сколько?
- Пока не перестану сомневаться.
- Боюсь, на это потребуется вся ночь.
- Учитывая нынешние обстоятельства, ночь у меня всё равно испорчена.
- Он некоторое время смотрел на меня, а затем неожиданно кивнул.
- Хорошо. Идём в городской Реестр.
- Что это?
- Место, где хранится подтверждение личности жителей столицы, права собственности, договоры и официальные именные записи.
- Государственный архив?
- Если вам так понятнее.
- Это действительно было понятнее.
- И там можно проверить вашу печать?
- Да.
- И мои документы?
- Именно поэтому мы туда идём.
- Тогда почему вы не предложили это сразу?
- Потому что обычно человеку достаточно слов королевского дознавателя.
- Вам явно редко встречались реставраторы.
- Я начинаю это понимать.

Городской Реестр располагался в здании, которое я сначала приняла за дворец.

Высокая каменная лестница поднималась к широким дверям, над которыми находился огромный рельефный круг, составленный из переплетённых букв. По обеим сторонам входа горели белые фонари, слишком яркие для обычного огня.

На ступенях нас остановил молодой мужчина в серой форме.

— Господин Арден.

Он быстро выпрямился. Каэль показал небольшой металлический знак. Теперь у меня появилось второе независимое подтверждение того, что его здесь действительно знают.

— Западный зал открыт?

— До полуночи. Центральные книги уже закрыли.

— Мне нужен личный поиск и доступ к городским регистрационным копиям.

Служащий перевёл взгляд на меня. На секунду задержался. Потом снова посмотрел на Каэля.

— Конечно.

Мы вошли. Внутри оказалось значительно тише, чем на улице.

Высокий потолок терялся в полумраке. Вдоль стен уходили вверх бесконечные стеллажи, но вместо привычных папок и коробок на них стояли одинаковые узкие футляры. Между рядами двигались небольшие светящиеся точки.

Одна из них подлетела к служащей за стойкой, остановилась над её ладонью, и девушка что-то сказала ей шёпотом.

Точка улетела. Я проводила её взглядом.

— Не спрашивайте, — сказал Каэль.

— Я ничего не сказала.

— У вас было такое лицо.

— Какое?

— Как у человека, который собирается спросить, почему служебные огни летают.

— А почему они летают?

Он посмотрел на меня.

— Потом.

— Я запомню.

Нас провели в небольшую комнату с длинным столом. На стенах здесь почти ничего не было, кроме двух высоких шкафов и металлической пластины с десятками тонких линий. Служащий поставил перед Каэлем неглубокую деревянную рамку.

— Имя?

— Каэль Арден.

— Полное подтверждение?

— Да.

Мужчина бросил на него быстрый взгляд.

— Печать при вас?

Каэль достал чёрную пластину. Служащий заметно напрягся.

— Она повреждена?

— Проверяем.

Он не стал задавать вопросов. Поставил рамку на стол, затем вложил в неё тонкий лист.

— Положите печать сюда.

Каэль поместил её в углубление. По рамке прошёл золотой свет. На бумаге начали появляться буквы. Я наклонилась ближе.

Каэль Рен Арден.

Ниже — дата, название дома, должность и ещё несколько строк, значения которых я не понимала. Служащий показал на знак справа. Он совпадал с тем, который я видела на руке Каэля.

— Подтверждение рода присутствует.

Потом провёл пальцем ниже.

— Статус печати...

Он замолчал.

— Что? — спросил Каэль.

— Неполный.

— Я вижу.

— Но привязка сохранена. Печать принадлежит вам.

Я посмотрела на Каэля. Он ответил почти торжествующим взглядом.

— Удовлетворены?

— Частично.

— Я признаю, что печать ваша.

— Прогресс.

— Но это всё ещё не объясняет, почему она лежала у меня.

— С этим я не спорю.

Служащий явно старался выглядеть так, будто ничего не слышит. Каэль забрал документ.

— Теперь Вера Ланская.

Мужчина у рамки поднял голову.

— Хранитель?

У меня внутри неприятно сжалось.

— Вы её знаете? — спросила я.

— Лично нет, госпожа Ланская.

— Но имя знаете.

— Почему?

Он посмотрел на Каэля.

Тот ответил:

— Проверьте.

Служащий снова назвал имя.

— Вера Ланская.

Лист в рамке дрогнул. Свет прошёл по краям. Буквы появлялись медленно. Сначала имя. Потом дата первой регистрации. Я наклонилась. Девять лет назад.

Следующая строка:

Статус: хранитель имён.

Ещё одна:

Место деятельности: Западная улица, дом семнадцать.

Лавка. Дальше шли ежегодные подтверждения. Каждый год. Без пропусков. Я почувствовала, как пальцы сами сжались в кулак.

— Это невозможно.

Служащий удивлённо посмотрел на меня.

— Запись действительна.

— Я вижу.

— Подтверждение проводилось ежегодно.

— Кем?

— Вами.

— Нет.

Он снова посмотрел на Каэля.

— Продолжайте, — сказал тот.

Служащий достал из шкафа другой футляр. Внутри лежала тонкая книга.

Не копия, как в лавке. Судя по тому, как осторожно мужчина положил её на стол, перед нами был официальный регистрационный экземпляр.

Он открыл нужную страницу. Моё имя. Моя подпись. Я наклонилась ближе. Потом перевернула страницу. Снова. Ещё одну. Каэль наблюдал за мной.

— Что?

Я не ответила. Достала из сумки телефон. Экран работал, хотя связи по-прежнему не было. Открыла приложение для фотографий, включила камеру и сделала снимок трёх подписей.

— Что вы делаете? — спросил служащий.

— Сравниваю.

— С помощью чего?

— Потом объясню.

Я увеличила первую подпись. Потом вторую. Переключила несколько раз. По спине прошло знакомое неприятное ощущение, которое возникало всякий раз, когда я замечала в документе след сознательной подделки.

— Вот.

Каэль наклонился.

— Что именно?

— Подписи.

— Они ваши.

— Они одинаковые.

— Разумеется. Поэтому и называются подписью.

Я посмотрела на него.

— Нет. Вы не понимаете.

Я положила телефон рядом с книгой.

— Человек не может дважды поставить абсолютно одинаковую подпись.

— Может.

— Похожую — да. Очень похожую — да. Почти неразличимую — при большой практике.

Но не идентичную.

Я показала пальцем на первую.

— Посмотрите на нижний штрих буквы. Вот здесь маленький изгиб. Теперь следующая запись.

Он наклонился ближе.

— То же самое.

— Именно. И расстояние между буквами. И наклон. И длина линии. Даже точка, где движение замедлилось, совпадает.

Служащий тоже подошёл.

— В этом что-то необычное?

— Очень.

Я быстро пролистала ещё несколько страниц. Семь подписей. Разные годы. Разные листы.

Одинаковая линия.

— Если бы я подписывала эти записи вручную, различия были бы неизбежны.

Каэль забрал книгу и сам просмотрел страницы.

— Возможно, особенность работы Реестра.

— Тогда нужно сравнить чужие подписи.

— Чьи?

Я указала на служащего.

— Вашу.

Он растерялся.

— Мою?

— Вы подписывали документы сегодня?

— Конечно.

— Покажите несколько.

Каэль неожиданно сказал:

— Сделайте.

Служащий явно не хотел спорить с королевским дознавателем. Он принёс три регистрационных листа. Подписи действительно были похожи. Но не одинаковы. Одна чуть шире. В другой последняя линия короче. Третья наклонена сильнее. Я разложила бумаги рядом с моими записями.

— Вот естественная подпись.

Каэль долго смотрел.

— А ваша?

— Копия.

— Вы уверены?

— Да.

— Каким способом?

— Не знаю.

— Тогда почему считаете её копией?

— Потому что рука так не работает.

Я взяла пустой лист.

— Дайте перо.

Служащий протянул мне тонкую металлическую ручку с необычным наконечником.

Я написала:

Вера Ланская.

Потом ещё раз. И третий. Положила рядом. Подписи были узнаваемыми, но различались.

Каэль сравнил их с официальными.

— В Реестре линия длиннее.

— И старый вариант подписи более размашистый. Я действительно так подписывалась раньше.

Он поднял голову.

— Раньше?

— В моём мире.

Слова вырвались сами. Служащий перестал делать вид, что ничего не слышит. Каэль закрыл книгу.

— Оставьте нас.

— Господин Арден...

— Сейчас.

Мужчина собрал ненужные бумаги и вышел. Дверь закрылась. Я приготовилась к очередному допросу. Но Каэль не спросил о другом мире. Он всё ещё смотрел на мою регистрационную запись.

— Девять лет.

— Я помню ваше имя все девять лет.

— Уже говорили.

— Нет.

Он провёл ладонью по лицу. Впервые за всё время Каэль выглядел не раздражённым и не подозрительным. Скорее озадаченным.

— Я помню, что видел вас.

— Где?

Он молчал.

— В лавке?

— Должен был.

— Не «должен был». Помните?

— Я знаю, что заходил туда.

— Когда?

— Несколько раз.

— Что мы обсуждали?

Он нахмурился.

— Не знаю.

— Как я была одета?

— Не помню.

— Как звучал мой голос?

Он поднял на меня взгляд.

— Не помню.

— Вы когда-нибудь со мной спорили?

Несколько секунд никто не отвечал.

— Наверняка.

— Это не воспоминание.

— Я понимаю.

— Вы помните хотя бы один конкретный разговор?

Каэль медленно сел. Это было почти тревожнее, чем когда он показывал чешую.

— Нет.

Я тоже села напротив.

— Но уверены, что видели меня. Потому что это... факт.

— Факт обычно можно привязать к событию.

— Не всегда.

— Тогда попробуем иначе. Когда вы впервые услышали моё имя?

Он задумался.

— Девять лет назад.

— При каких обстоятельствах?

— Открылась новая лавка хранителя.

— Вы присутствовали?

— Не помню.

— Кто сообщил?

Он нахмурился сильнее.

— Не знаю.

— Кто рекомендовал меня?

— Не знаю.

— Вы видели мои документы?

— Скорее всего.

— Опять предположение.

Каэль посмотрел на регистрационную книгу.

— Это невозможно.

— Сегодня это слово уже использовали.

— Воспоминания не могут быть пустыми.

— Ваши могут.

— Я знаю, что вы существовали здесь.

— Откуда?

Он ничего не сказал. Я наклонилась вперёд.

— Именно. Есть знание, но нет источника.

Он встретился со мной взглядом.

Я продолжила:

— Представьте книгу, в которой на полях написано: «Это было объяснено на предыдущей странице». Вы переворачиваете страницу, а она пустая. Следующая отсылает ещё к одному событию, которого в тексте нет. Вы можете верить указателям сколько угодно, но содержания они не создают.

— Вы считаете, кто-то подделал мои воспоминания.

— Я считаю, кто-то создал ощущение, что воспоминание существует.

— Это разные вещи?

— Огромная разница. Если бы у вас была ложная память, вы рассказали бы хотя бы выдуманную сцену. Но у вас нет сцены. Только уверенность.

Каэль провёл пальцем по строке с датой регистрации.

— Девять лет.

— И не только у вас.

— Варен.

Я кивнула.

— Он тоже знал меня. Причём значительно увереннее.

— Варен Соль умер задолго до вашей регистрации.

— Значит, кто-то или что-то специально поставило его на моём пути.

— Чтобы привести к лавке.

— Похоже на то.

— И вы всё ещё хотите убедить меня, что ничего об этом не знаете.

— Если бы я знала, зачем мне было показывать вам одинаковые подписи?

Он замолчал.

— Если я преступница, — продолжила я, — сейчас мне выгоднее поддерживать вашу версию. Да, я живу здесь девять лет, да, мы встречались, да, всё нормально. Вместо этого я сама показываю вам, что записи искусственные.

— Возможно, чтобы завоевать доверие.

— Тогда я выбрала очень трудоёмкий способ.

На этот раз он действительно усмехнулся. Совсем немного.

— В этом есть логика.

— Спасибо. Я стараюсь.

— Не радуйтесь. Это не означает, что я вам доверяю.

— Взаимно.

Мы снова посмотрели на книгу. В официальной записи моё прошлое выглядело уверенно и аккуратно. Девять лет. Регулярные подтверждения. Работа. Адрес. Подписи. Жизнь, которой я не проживала. Мне захотелось найти хотя бы одну ошибку, кроме подписей.

— Здесь есть дата рождения?

Каэль пролистал страницу.

— Да.

Назвал. Моя. Я почувствовала неприятный холод.

— Полная?

— День, месяц, год.

— Всё совпадает.

— Значит, человек, создавший запись, знал о вас достаточно много.

— Или имел доступ к источнику.

— Какому?

Я подумала об архивной книге. О надписи. О металлической застёжке. О двери.

— К книге.

— Какой книге?

И рассказала. Не всё сразу. Начала с работы. С последнего листа. С фразы. С тёплой застёжки. С погасшего света. С двери, которая открылась не в коридор. Каэль не перебивал, только изредка задавал короткие уточняющие вопросы. Когда я закончила, он некоторое время сидел молча.

— Покажете эту книгу?

— Если найдём дверь.

— Вы не помните дорогу.

— До улицы помню приблизительно. Дверь находилась в стене.

- Как выглядело здание?
- Кирпич. Тёмная дверь. Никакой вывески.
- На какой стороне улицы?
- Я задумалась.
- Слева, если идти от места, где стоял Варен.
- Это уже лучше.
- Он встал.
- Сначала закончим с печатью.
- Что именно?

Каэль достал её. Чёрный металл выглядел теперь почти обычным, если не считать тонкой трещины.

- После того как вы её передали, привязка частично восстановилась.
- Что значит «привязка»?
- Именная печать принадлежит конкретному человеку. Её нельзя использовать как обычный предмет.

- То есть если бы я захотела воспользоваться вашей, ничего бы не получилось?
- В нормальных условиях — нет.
- Тогда обвинение в незаконном хранении звучит ещё страннее.
- Хранение и использование — разные нарушения.
- Вы очень любите правила.
- Они обычно полезны.
- Пока кто-то не перепишет их за вас.

Попала.

- Чтобы носить печать как часть полномочий, мне нужно восстановить её признание.
- Каким образом?
- Вы должны официально отказаться от удержания.

Я моргнула.

- Я никогда её не удерживала.
- Лавка считает иначе.
- Лавка?
- Печать была помещена в хранилище хранителя.
- В ящик стола.
- Для вас — ящик.
- А для вас?

— Защищённое именовое хранилище.

Я вспомнила металлическую пластину.

- Хорошо. Допустим.
- Пока предмет находится там, система считает, что хранитель принял его на ответственное хранение.

- Без моего согласия?
- По старым правилам достаточно факта помещения.
- Очень удобная система для подбрасывания чужих вещей.
- Именно поэтому такие хранилища закрываются на личный ключ владельца.
- Который неизвестно как оказался у меня в кармане.
- Всё становится всё лучше.

Каэль положил печать на стол.

- Коснитесь её.
- Зачем?
- Чтобы снять удержание.

Я не спешила.

— Что произойдёт?

— Если всё работает правильно, ничего опасного.

— Мне не нравится слово «если».

— Мне тоже.

— А если не работает?

— Узнаем.

— Удивительно успокаивает.

Он чуть отодвинул печать ко мне. Я коснулась края одним пальцем. Металл был холодным. По поверхности прошла тонкая серебряная линия. На мгновение мне показалось, что буквы имени стали глубже.

— Теперь повторите: «Я, Вера Ланская, возвращаю именную печать Каэлю Ардену как её владельцу».

— Почему я должна представляться?

— Потому что хранилище зарегистрировано на ваше имя.

Я вздохнула.

— Я, Вера Ланская, возвращаю именную печать Каэлю Ардену как её владельцу.

Ничего не произошло. Я посмотрела на него.

— Убедительно.

— Подождите.

Через несколько секунд печать стала тёплой. Не так, как архивная застёжка. Тепло шло изнутри и быстро усиливалось. Я убрала руку. По чёрному металлу прошёл золотистый рисунок. Он охватил имя, затем символ на обратной стороне. Каэль взял печать. На его руке одновременно проступили несколько чешуек. Свет между ними совпал с золотым узором на металле. Потом всё погасло.

— Получилось? — спросила я.

— Частично.

Он прикрепил печать к металлической застёжке на внутренней стороне формы. Она держалась без цепочки и без видимого крепления.

— Теперь можете её носить?

— Да.

— А использовать?

Каэль посмотрел на закрытую дверь комнаты.

— Проверим.

Он подошёл к металлической пластине на стене. Коснулся её печатью. По линиям должен был, судя по выражению его лица, пройти свет. Ничего не произошло. Каэль повторил. Пластина осталась тёмной.

— Это плохо?

— Очень.

Он снял печать. Я подошла ближе.

— Что должно было произойти?

— Открыться служебный доступ.

— Но не открылся.

— Потому что печать признаёт меня владельцем, но не подтверждает полное имя.

Я вспомнила разорванный круг.

— Из-за отсутствующих частей?

— Да.

— А что значит «полное имя»?

Он некоторое время молчал.

— Не то же самое, что имя, которым вас называют.

— Очень понятно.

— У каждого человека есть запись, которая связывает его личность с Реестром. Для обычного жителя она используется редко. Для тех, кто занимает определённые должности, имеет наследственные права или несёт государственные полномочия, значение выше.

— И ваша печать связана с этой записью.

— Что происходит, если часть отсутствует?

— Права становятся неполными.

— Например, дверь не открывается.

— Это мелочь.

— Что не мелочь?

Он не ответил. Это мне не понравилось.

— Каэль.

— Позже.

— Вы любите это слово.

— Потому что существует информация, которую я не обязан сообщать человеку, находящемуся под подозрением.

— Мы опять вернулись к подозрению?

— Оно никуда не исчезало.

— Тогда у меня предложение.

— Какое?

— Вы прекращаете обращаться со мной как с удобной подозреваемой, а я помогаю вам выяснить, кто создал мою фальшивую жизнь и зачем спрятал у меня вашу печать.

Он посмотрел на меня так, будто я предложила назначить себя начальником городского Реестра.

— Вы предлагаете мне союз?

— Временный.

— На каком основании?

— У нас общая проблема.

— Мы пока не знаем, общая ли.

— Кто-то связал мою лавку с вашей печатью. По-моему, это уже достаточно общая проблема.

— Вы ничего не знаете о нашем городе.

— Поэтому буду задавать вопросы, которые вам кажутся очевидными.

— Это скорее недостаток.

— Не всегда. Вы девять лет знали, что существовала Вера Ланская, и ни разу не заметили, что не можете вспомнить ни одного разговора с ней.

Каэль замолчал.

— Люди редко проверяют то, что считают очевидным, — продолжила я. — Я здесь ничего не считаю очевидным. Даже фонари.

— Особенно фонари.

— Не отвлекайтесь.

Он сложил руки.

— Что вы хотите взамен?

— Найти дорогу домой.

Ответ прозвучал быстрее, чем я ожидала. И от него стало неприятно пусто внутри.

Несмотря на весь ужас происходящего, до этого момента я как будто воспринимала возвращение как следующий естественный этап: выясню, где дверь, пройду обратно, потом буду решать, что делать со старой книгой.

Теперь впервые возникла мысль, что дверь может не открыться. Каэль, кажется, понял это по моему лицу, но ничего не сказал.

— И ещё, — добавила я. — Я хочу узнать, кто создал здесь мою жизнь.

— Даже если найдёте путь назад?

— Особенно если найду. Я не смогу просто уйти, зная, что кто-то девять лет использовал моё имя.

— Вы не использовали слово «украл».

— Пока не знаю, что именно произошло.

— Осторожно.

— Профессиональная привычка.

Каэль медленно кивнул.

— Хорошо.

— Это согласие?

— Временное.

— Вы учитесь.

— Условия будут мои.

— Тогда это не союз.

— Вы находитесь в неизвестном мире, не знаете законов, не понимаете местной магии и имеете связь с делом, которое касается королевской безопасности.

— Очень убедительный список причин не выполнять ваши приказы вслепую.

Он встретился со мной взглядом.

— Вы всегда такая упрямая?

— Только когда меня пытаются назначить виноватой без доказательств.

Мы ещё несколько секунд молчали. Потом Каэль протянул руку.

— До выяснения обстоятельств вы сотрудничаете со мной добровольно. Я не рассматриваю вас как задержанную, пока не появятся прямые доказательства вашей причастности.

— А вы помогаете мне найти дверь и разобраться с документами.

— И не скрываете информацию, которая непосредственно касается меня.

Он нахмурился.

— Это слишком широкое условие.

— Тогда формулируйте уже.

— Я сообщаю вам сведения, необходимые для вашей безопасности и для расследования.

— Приемлемо.

Я пожала ему руку. Ладонь оказалась тёплой. Не обжигающей, как во время демонстрации на улице, просто теплее человеческой. Каэль отпустил первым.

— И ещё одно.

— Не открывайте больше запечатанные ящики без меня.

— Если они находятся в моей лавке?

— Особенно если находятся в вашей лавке.

— Наша договорённость продержалась секунд пять.

— Для первого раза неплохо.

Я уже собиралась ответить, когда в дверь постучали. Вошёл тот же служащий.

— Господин Арден, простите. Вы просили проверить статус вашей печати по центральной записи.

Каэль сразу изменился. Вся лёгкость исчезла.

— И?

Мужчина держал в руках небольшой лист.

— Есть несоответствие.

— Какое?

Он бросил быстрый взгляд на меня.

— Можно?

— Говорите.

— Печать официально зарегистрирована как действующая. Но центральная запись не подтверждает её полностью.

— Это мы уже знаем.

— Нет, господин Арден. Проблема не только в печати.

Каэль неподвижно смотрел на него.

— Объясните.

— Мы проверили основную запись вашего имени.

Служащий положил лист на стол.

— Она тоже повреждена.

В комнате стало очень тихо. Я подошла ближе.

На листе было написано:

Каэль Рен Арден.

Но часть букв выглядела бледнее остальных. Одна линия имени словно обрывалась.

— Что значит повреждена? — спросила я.

Служащий явно предпочёл бы отвечать только Каэлю.

— Центральная регистрация хранит подтверждение истинного имени. Если запись не совпадает с печатью, полномочия блокируются.

— Такое может произойти случайно?

Он покачал головой. Каэль взял лист.

— Когда была последняя полная проверка?

— Шесть дней назад.

— Результат?

— Без нарушений.

— Печать исчезла четыре дня назад.

— Да.

Я почувствовала, как отдельные детали начинают складываться. Печать украли. Потом спрятали в лавке. Часть знака исчезла. Теперь повреждение обнаружилось не только на предмете, но и в официальной записи самого Каэля.

— Значит, печать не сломали, — сказала я.

Оба посмотрели на меня.

— Что? — спросил Каэль.

Я указала на лист.

— Вы думаете, что проблема в печати, потому что она повреждена. Но печать всего лишь показывает то же нарушение, которое есть здесь.

— Продолжайте.

— Если бы кто-то просто испортил предмет, ваша запись оставалась бы целой.

Каэль медленно опустил лист.

— Да.

— А если повреждены оба...

Я вспомнила фразу на двери.

Верните владельцу его имя.

Не «верните печать». Имя. Мне вдруг стало неуютно находиться рядом с этой бумагой.

— Кто-то украл не вашу печать.

Каэль смотрел на меня, и я впервые увидела в его глазах не подозрение. Настоящую тревогу.

— Тогда что?

Я перевела взгляд на бледную часть записи.
— Кто-то разделил ваше имя.

Глава 3. Люди, которых перестают узнавать

К тому моменту, когда мы вышли из городского Реестра, я уже знала о чужих именах больше, чем хотела, и всё ещё слишком мало, чтобы объяснить хоть что-нибудь.

Каэль настоял на повторной проверке своей записи. Потом ещё на одной — через другой регистрационный узел и с другим служащим, который не присутствовал при первом исследовании. Результат не изменился. Печать принадлежала Каэлю Ардену, связь с владельцем сохранялась, но часть истинного имени больше не подтверждалась. Повреждение находилось не на поверхности металла и даже не в самом документе. Бумага только отражала нарушение, которое существовало где-то глубже, в системе, принцип действия которой я пока понимала примерно так же хорошо, как средневековый переписчик понял бы устройство моего телефона.

Это сравнение я благоразумно оставила при себе.

Второй служащий Реестра, пожилой мужчина по имени Харлен, попытался объяснить мне происходящее с помощью родословных линий, узлов подтверждения и первичных именных связей. Через несколько минут я остановила его и попросила начать сначала, используя слова, которые можно понять без предварительного обучения в местной академии.

Он обиделся. Каэль неожиданно встал на мою сторону.

— Господин Харлен, представьте, что объясняете это человеку, который никогда не видел Реестр.

— Таких людей не существует.

— Теперь существует.

Харлен посмотрел на меня с сомнением, словно моё существование было временным административным неудобством, но объяснение упростил.

Каждый житель королевства имел официальную именную запись. В большинстве случаев человек почти не сталкивался с ней после первоначального подтверждения. Она становилась важной при наследовании, заключении крупных договоров, регистрации собственности и некоторых других действиях. Для служащих короны, владельцев древних титулов и тех, кто имел доступ к защищённым государственным системам, истинная запись значила значительно больше.

Имя Каэля открывало служебные архивы, подтверждало приказы и позволяло использовать полномочия дознавателя там, где обычной подписи было недостаточно.

Теперь часть этих возможностей исчезла.

— Значит, кто-то может воспользоваться тем, чего у него больше нет? — спросила я.

Харлен посмотрел на Каэля.

Каэль ответил сам:

— Пока неизвестно.

— Удобный ответ.

— Точный.

— Мне всё равно не нравится.

— Мне тоже.

Мы покинули Реестр ближе к полуночи.

Я рассчитывала, что Каэль немедленно поведёт меня искать дверь в мой мир, но на улице он остановился и посмотрел в сторону западной части города.

— Сегодня мы туда не вернёмся. Район вокруг вашей лавки нужно проверить.

— Для поисков двери вам тоже нужно проверить район.

— Не ночью.

— Каэль, ещё несколько часов назад я была на работе. Если дверь исчезнет к утру...

— Если она исчезла, ночь ничего не изменит.

— А если не исчезла?

— Тогда утром она всё ещё будет там.

Логика была правильной, что раздражало особенно сильно.

— Где вы предлагаете мне провести ночь?

— В безопасном месте.

— После ваших предыдущих объяснений я начинаю бояться этой формулировки.

— У меня есть служебная квартира в здании управления.

— Нет.

Ответ прозвучал быстрее, чем я успела его обдумать. Каэль поднял бровь.

— Нет?

— Я не собираюсь ночевать у почти незнакомого мужчины, который несколько часов назад подозревал меня в краже.

— Это не моя квартира.

— Вы только что назвали её своей служебной квартирой.

— Помещение принадлежит управлению.

— Разумеется. От этого всё сразу стало приличнее.

Несколько секунд он просто смотрел на меня.

— У вас есть другое предложение?

Было. Лавка. Пусть непонятная, пусть запечатанная, пусть каким-то образом связанная с человеком, умершим двадцать лет назад, но формально моя. Я сказала об этом. Каэль отверг идею ещё быстрее, чем я его служебную квартиру.

— Туда сегодня никто не входит. На двери появилась древняя форма именного запечатывания.

— Вы понимаете, как её снять?

— Нет.

— Прекрасно.

— Поэтому до утра вы будете находиться в гостевой комнате при управлении. Там есть отдельная дверь, замок и женщина-смотрительница на этаже. Вас это устроит?

Я подумала.

— Насколько отдельная дверь?

— Полностью отдельная.

— Замок закрывается изнутри?

— Да.

— И вы не собираетесь выставить охрану внутри комнаты?

— Нет.

— Тогда, возможно, мы достигли первого разумного соглашения за вечер.

— Это уже второе.

— Первое было вынужденным.

— Как и это.

Я предпочла не спорить.

Утро началось с того, что кто-то постучал в дверь, назвал меня госпожой хранителем и сообщил, что у входа ждёт пекарь.

Я лежала мгновение, глядя в незнакомый потолок и пытаясь вспомнить, почему слово «пекарь» должно меня волновать.

Потом вернулось всё сразу. Книга. Дверь. Другой город. Каэль. Дракон. Чёрная печать. Моё имя в документах за девять лет до моего появления. Я закрыла глаза. Иногда память могла бы возвращаться чуть менее организованно.

— Госпожа Ланская?

— Я слышу.

За дверью стояла женщина лет пятидесяти в сером платье и строгом белом воротнике. Вчера вечером она представилась госпожой Мейрой, смотрительницей гостевого крыла, и сообщила, что здесь никто меня не потревожит без распоряжения дознавателя.

Очевидно, пекари пользовались исключением.

— Какой пекарь?

— Господин Торвен. Он утверждает, что ему срочно нужен хранитель.

— Почему он пришёл сюда?

— Потому что ваша лавка закрыта.

Я села.

— Откуда он знает, что я здесь?

Мейра поджала губы.

— Полагаю, господин Торвен способен получить сведения быстрее половины городской стражи, если речь касается его собственности.

— Это должно меня успокаивать?

— Нет. Просто объясняет ситуацию.

Мне начинали нравиться местные люди, которые не считали обязательным утешать меня. Через двадцать минут я спустилась вниз.

Каэль уже стоял в небольшом служебном зале и разговаривал с женщиной, который выглядел так, словно всю ночь либо не спал, либо спорил с кем-то особенно упрямым.

Пекарю было, наверное, около шестидесяти пяти. Широкоплечий, седой, в добротной коричневой куртке, на которой возле одного кармана осталось светлое пятно муки. Он держал кожаную папку обеими руками, почти прижимая её к груди.

Увидев меня, мужчина шагнул вперёд.

— Госпожа Ланская.

Я остановилась. Вчера вечером Каэль посоветовал не отвечать человеку, который назовёт меня по имени раньше, чем я представлюсь. Пекарь заметил мою реакцию.

— Простите. Мы знакомы.

— Мы встречались?

— Конечно.

Он сказал это уверенно. Я посмотрела на Каэля. Тот едва заметно покачал головой: не вмешивайся, слушай.

— Когда? — спросила я.

Пекарь задумался. Уверенность на его лице дрогнула.

— В лавке.

— Когда именно?

— Несколько раз.

— В прошлом году?

— Вероятно.

— О чём мы разговаривали?

Мужчина открыл рот. Потом нахмурился.

— Я приходил подтверждать семейную запись.

— Вы помните сам разговор?

Несколько секунд никто не отвечал.

— Я помню, что приходил.

Это уже становилось знакомым.

— Моё лицо вы помните?

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Сейчас — разумеется.

— А до сегодняшнего утра?

Торвен растерянно потёр подбородок.
— Не понимаю.
— Всё нормально. Я тоже.
Каэль вмешался:
— Господин Торвен пришёл по другому вопросу.
Пекарь словно вспомнил, зачем вообще находился здесь, и крепче сжал папку.
— Они хотят отнять у меня пекарню.
— Кто? — спросила я.
— Никто не хочет её отнимать, — сказал Каэль. — Пока.
— Очень полезное уточнение.
Торвен бросил на него возмущённый взгляд.
— Сегодня утром я пришёл на рынок продлить торговое разрешение. Делаю это каждый год тридцать четыре года. До меня делал отец. До него дед. Никогда никаких проблем.
— А сегодня появились?
— Моя печать не подтвердила владение.
Он раскрыл папку. Внутри лежало несколько документов, перевязанных тонким шнуром, и небольшая медная пластина.
— Мне сказали, что пекарня зарегистрирована на другого человека.
— На кого?
— Вот это и есть самое безумное. На меня.
Я перевела взгляд на Каэля.
— Я чувствую, что сейчас потребуется объяснение.
Торвен вытащил два листа.
— Вот свидетельство собственности, выданное пятнадцать лет назад. А вот сегодняшняя выписка из Реестра.
Я положила их рядом.
На первом было написано:
Орен Торвен.
На втором:
Орен Торвем.
Разница находилась в последней букве. Если читать быстро, можно было не заметить. Я перечитала оба имени.
— Это считается другим человеком?
— В Реестре — да, — ответил Каэль.
— Из-за одной буквы?
— Истинная запись должна совпадать полностью.
— А если чиновник просто ошибся?
— Ошибки в копиях возможны. В центральной записи — значительно реже.
— Но возможны?
— Теоретически.
Торвен с шумом выдохнул.
— Я сорок лет Орен Торвен. Не Торвем, не Торвенн и не Торвин. Я даже не знаю человека с такой фамилией.
— Пекарня сейчас числится за Ореном Торвемом?
— Именно.
— А человек существует?
Каэль ответил:
— Мы проверили. Нет.
Это заставило меня внимательнее посмотреть на документы.

Если имя было изменено случайно, получилось весьма удачно: собственность перестала подтверждаться, но никто другой пока не мог на неё претендовать.

Пока.

— Где оригинал старой записи?

— В лавке, — сказал Торвен.

Я подняла голову.

— В моей?

— Где же ещё?

Каэль нахмурился.

— Почему семейная запись находится у хранителя, а не в Реестре?

— Потому что наша пекарня старше городского Реестра в нынешней форме. Когда проводили общий перенос записей, хранитель оставил первоначальное подтверждение у себя.

— Какой хранитель?

Торвен посмотрел на меня.

— Вы.

Мы с Каэлем одновременно промолчали. Торвен переводил взгляд с одного на другого.

— Что происходит?

— Долго объяснять, — сказала я.

— Моя пекарня может перестать принадлежать семье через три дня.

— Почему через три?

— Если право собственности не подтверждено, рынок приостанавливает торговое разрешение. Потом запись уходит на рассмотрение Совета собственности.

— И там выяснят, что это ошибка.

— Или решат, что старое имя больше недействительно.

— Нам нужно в лавку.

— Она запечатана.

— Там находится документ, который может объяснить, как изменилось имя.

— Если Торвен прав.

Пекарь вспыхнул.

— Я знаю, где лежит свидетельство моей семьи.

— Я не сомневаюсь в ваших словах, — спокойно ответил Каэль. — Я проверяю обстоятельства.

Разница была небольшая, но я её заметила.

Вчера он разговаривал со мной почти так же, однако теперь в его голосе не было обвинения. Только привычка не принимать первую версию за окончательную.

— А если дверь откроется для меня? — спросила я.

Каэль посмотрел на меня.

— Вчера она не открылась.

— После того как сама закрылась. До этого ключ работал.

— Это риск.

— Потерять человеку семейное дело из-за одной буквы тоже риск.

Торвен сразу закивал. Каэль посмотрел на него.

— Господин Торвен, подождите снаружи.

— Но...

— Мы не уйдём без вас.

Пекарь нехотя вышел.

Когда дверь закрылась, Каэль спросил:

— Вы всегда так быстро принимаете чужую сторону?

— Я не приняла сторону. Я хочу посмотреть документ.

— Вы только что убедили Торвена, что мы пойдём в лавку.

— Он уже был в этом уверен до моего появления.

— Вы усилили уверенность.

— Вы предпочитаете, чтобы я сказала человеку, что мне всё равно?

— Я предпочитаю, чтобы вы не обещали того, что может оказаться невозможным.

Я подумала и кивнула.

— Справедливо.

Он явно не ожидал.

— Что?

— Вы правы.

— Повторите.

— Не злоупотребляйте удачей.

Я убрала документы Торвена обратно в папку.

— Но я всё равно считаю, что нужно попробовать. Потому что изменение произошло именно в имени. Вчера выяснилось, что нарушено ваше имя. Сегодня появляется человек с похожей проблемой. Его первоначальная запись находится в моей лавке. Это либо совпадение, либо связь.

— Вы не верите в совпадение.

— В профессии, где одна лишняя черта меняет датировку документа на сто лет, к совпадениям быстро начинаешь относиться осторожно.

Каэль кивнул.

— Хорошо. Идём.

На улице нас ждало ещё одно осложнение.

Оно носило тёмно-синее платье, держало в руках рулон ткани и улыбалось так, словно давно надеялось увидеть именно эту сцену.

— Каэль Арден идёт по улице вместе с Верой Ланской, — объявила незнакомка. — Если бы мне вчера кто-нибудь рассказал, я бы потребовала доказательств.

— Доброе утро, Тильда, — сказал Каэль тем тоном, которым обычно приветствуют природное явление, предотвратить которое невозможно.

Я вспомнила мастерскую возле лавки.

— Вы Тильда?

Женщина перевела взгляд на меня.

— Вы всё-таки меня помните?

Неприятное чувство вернулось.

— Боюсь, нет.

Улыбка исчезла. Она подошла ближе.

— Вера?

— Это сложно.

— Вы пропадали девять дней, лавка закрылась так, что городской мастер сломал два инструмента, вчера ночью половина улицы видела дознавателя возле вашей двери, а теперь вы говорите, что меня не помните?

— Примерно так.

Тильда посмотрела на Каэля.

— Что вы с ней сделали?

— Почему сразу я?

— Потому что рядом с вами люди обычно либо дают показания, либо начинают жалеть, что умеют говорить.

— Госпожа Фосс...

— О, полное обращение. Значит, действительно что-то случилось.

Я не удержалась от улыбки. Каэль это заметил.
— Не поощряйте её.
— Я ничего не делаю.
— Именно так всё и начинается, — сказала Тильда.
Она снова посмотрела на меня, теперь серьёзнее.
— Вы правда меня не помните?
— Нет.
— А мастерскую?
— Только потому, что видела вывеску вчера.
Тильда медленно опустила рулон ткани.
— Мы ужинали вместе две недели назад.
Я почувствовала, как Каэль напрягся.
— Где? — спросил он.
— У меня. Наверху.
— Что вы ели?
— Зачем вам...
— Ответьте.
Она нахмурилась.
— Пирог. Кажется.
— Какой?
— С яблоками.
— Кто ещё был?
Тильда открыла рот. Пауза затянулась.
— Никого.
— О чём вы разговаривали?
— О работе.
— О какой?
— Моей. Её. О соседях.
— Что конкретно сказала Вера?
Тильда побледнела.
— Я не помню.
Мне не понравилось подтверждение, хотя я его ожидала.
— Но я точно помню ужин, — упрямо сказала Тильда.
— Вы помните ощущение, что он был, — поправила я.
Она резко повернулась ко мне.
— Это разные вещи?
— Похоже, да.
— Мне совсем не нравится ваш ответ.
— Мне тоже.
Торвен, который до сих пор стоял в стороне, кашлянул.
— Если мы закончили обсуждать ужины, моя пекарня всё ещё принадлежит несуществующему человеку.
— Простите, Орен, — сказала Тильда.
Я посмотрела на неё.
— Вы знаете его?
— Вся улица знает Орена. Его отец пёк хлеб для половины западного квартала.
Торвен чуть расправил плечи.
— И для другой половины тоже, когда у них хватало денег.
Каэль пошёл первым.

— Все разговоры продолжим у лавки.

Тильда пошла с нами.

— Вы не участвуете в расследовании, — сказал Каэль.

— Я и не участвую.

— Тогда куда вы идёте?

— В свою мастерскую. Она, если вы забыли, стоит в двух домах от лавки.

— Трёх, — поправила я.

Тильда посмотрела на меня и широко улыбнулась.

— Уже прогресс.

Каэль тяжело вздохнул.

— Теперь их двое.

— Вас это беспокоит? — спросила я.

— Я начинаю понимать, почему вчера лавка предпочитала оставаться закрытой.

Тильда переводила взгляд между нами. Улыбка стала значительно шире.

— Как интересно.

— Нет, — одновременно сказали мы с Каэлем.

Тильда рассмеялась.

— Я вообще ничего не спросила.

— И не надо, — ответил Каэль.

— Особенно теперь надо.

Я решила не вмешиваться. Это было ошибкой.

— Вера, — сказала Тильда, — если вы ничего не помните, могу хотя бы сообщить, что господин Арден раньше никогда не сопровождал вас утром по городу.

— Он не сопровождает. Мы расследуем.

— Тильда, — предупредил Каэль.

— Я молчу.

Она молчала ровно пятнадцать секунд.

— Просто удивительно, как вы оба говорите «мы» после одного вечера.

— Мы заключили временное соглашение, — сказал Каэль.

— Вы даже соглашение заключили?

— Кажется, объяснение только ухудшило ситуацию.

— Я заметил.

Тильда выглядела совершенно довольной. Когда мы добрались до лавки, шутки закончились. Надписи на двери исчезли. Дерево выглядело обычным. Я достала ключ. Каэль остановил меня.

— Подождите.

Он провёл ладонью возле двери, не касаясь её. На запястье на секунду проступил золотистый узор, но чешуя не появилась.

— Запечатывание исчезло.

— Само?

— Похоже. Я не знаю.

— Мне начинает надоедать этот ответ.

— Поверьте, мне тоже.

Я вставила ключ. Замок открылся сразу. Торвен выдохнул так громко, будто всё это время задерживал дыхание. Внутри лавки ничего заметно не изменилось.

Золотые светильники зажглись, когда я переступила порог. Книги лежали там же, где мы их оставили. На столе находился пустой футляр, а лист, который вчера видел только Каэль, исчез.

Я показала на место.

— Здесь была бумага.

Каэль подошёл.

— Вы уверены?

— Уверен.

— Я забрал её вчера?

— Вы складывали, но потом положили обратно.

Он задумался.

— Верно.

— Значит, кто-то входил после нас.

Тильда остановилась у двери.

— Я точно ничего не хочу знать?

— Хотите, — сказал Каэль, — но пока не узнаете.

— Невежливо.

— Зато безопаснее.

Торвен сразу направился к дальнему шкафу.

— Моя запись должна быть здесь.

— Не трогайте ничего, — сказал Каэль.

Пекарь замер.

— Это документы моей семьи.

— Именно поэтому не трогайте.

Каэль встретился со мной взглядом.

— Вы знаете систему хранения?

— Впервые увидела шкаф вчера.

— Тогда придётся спросить Торвена.

Он объяснил, что семейные записи хранились в третьем шкафу справа, в секции старых прав собственности.

Нашли быстро. Внутри лежали узкие картонные футляры с фамилиями. Я вытащила тот, на котором было написано «Торвен». Внутри находился плотный лист, значительно старше документов, принесённых Торвеном.

Имя читалось отчётливо:

Орен Торвен.

— Вот, — сказал пекарь. — Всё правильно.

Я положила рядом сегодняшнюю выписку:

Орен Торвем.

— Каэль, центральная запись хранит первоначальный документ или копию?

— Ни то ни другое. Реестр подтверждает связь с записью.

— А откуда взялось имя в системе?

— При переносе его подтверждали по первичным документам.

— Значит, если этот лист настоящий, система когда-то получила имя «Торвен».

— Да.

Я внимательно рассмотрела старый документ. Сначала ничего необычного. Плотная бумага, выцветшие чернила, несколько печатей. Потом заметила странность. Последняя буква фамилии была чуть темнее. Совсем немного. Если не знать, что ищешь, можно решить, что перо просто задержалось на линии.

— Дайте свет ближе.

Каэль подвинул золотую лампу. Я наклонила лист. При прямом освещении ничего. Под углом тёмный участок становился заметнее.

— Вот здесь.

Торвен наклонился.

— Где?

— Последняя буква.

— Она всегда была такой.

— Вы уверены?

— Я видел документ десятки раз.

— Тогда тем более.

Я повернула лист к свету.

— Основные чернила старые. А последний штрих изменён позже.

Каэль посмотрел внимательнее.

— Я не вижу разницы.

— Потому что смотрите на цвет.

— А на что нужно?

— На поверхность.

Я показала пальцем, не касаясь бумаги.

— Видите блеск? Очень тонкий. Старые чернила впитались глубже и стали матовыми.

Здесь поверхность ведёт себя иначе.

— Значит, букву дописали?

— Не совсем.

Я осторожно взяла увеличительное стекло со стола. Оно было не моё, но конструкция оказалась понятной.

Под увеличением различие стало явным. Линия последней буквы раздваивалась. Один контур уходил в бумагу. Второй лежал поверх.

— Здесь первоначально было «н».

— А сейчас? — спросил Торвен.

— На бумаге всё ещё «н». Но кто-то добавил движение, которое заставляет запись читаться как другая буква.

Каэль нахмурился.

— Магическая правка?

— Если вы так называете вмешательство, которое Реестр воспринимает сильнее первоначальных чернил.

Он протянул руку.

— Можно?

Я передала ему лупу.

Он несколько секунд смотрел, затем позвал:

— Тильда.

Она удивилась.

— Мне всё-таки разрешено участвовать?

— Вы умеете различать красители на ткани.

— И?

— Посмотрите.

Тильда подошла. Через минуту она кивнула.

— Вера права. Оттенок один, но слой другой.

— Насколько новый?

— Не скажу. Это бумага, не шёлк.

— Но не первоначальный?

— Точно.

Торвен смотрел на нас.

— Значит, кто-то испортил документ?

— Похоже, — сказала я. — Но главное не это.

— Что может быть главнее?

Я указала на фамилию.

— Изменение крошечное. Большинство людей его не заметит. Но системе достаточно одной буквы, чтобы перестать считать вас владельцем.

Каэль выпрямился.

— Как с моей печатью.

— Вы думаете, принцип тот же?

— Не знаю, чем отличаются истинное имя и обычная регистрационная запись. Но результат похож: не нужно уничтожать имя целиком. Достаточно нарушить часть.

Торвен побледнел.

— Зачем кому-то моя пекарня?

Хороший вопрос. Я посмотрела на документы. Пекарня могла быть целью. Но могла быть и проверкой способа.

— Возможно, дело не в пекарне.

Каэль понял первым.

— Испытание.

— Именно так.

Торвен переводил взгляд между нами.

— Что вы имеете в виду?

Каэль не ответил сразу.

— Пока ничего определённого.

— Это моя семья.

В его голосе было столько обиды, что я вмешалась:

— Мы не скрываем от вас готовый ответ. Его пока нет. Но если кто-то хотел проверить, можно ли изменить одну часть записи так, чтобы Реестр принял новое имя, ваша запись могла оказаться удобной целью.

— Удобной?

— Старый документ. Перенос из прежней системы. Семейное дело, которое регулярно подтверждается. Любое нарушение быстро обнаружится.

Торвен сжал губы.

— Я не хочу быть чьей-то проверкой.

— Никто бы не хотел.

Каэль взял сегодняшний документ.

— Я распоряжусь временно подтвердить право собственности до завершения проверки.

Пекарь уставился на него.

— Вы можете?

— Могу выдать служебное подтверждение на три дня. За это время установим причину расхождения.

— А если не установите?

— Продлю.

— Реестр позволит?

— Это уже моя проблема.

Я встретила с ним взглядом. Вчера Каэль казался человеком, который использует правила как стену между собой и окружающими. Теперь он не пытался объяснить Торвену ограничения системы и не перекладывал ответственность на чиновника рынка. Просто сказал: моя проблема. Пекарь тоже заметил.

— Спасибо.

— Пока не за что.

— Для меня уже есть.

Торвен аккуратно сложил документы. Перед уходом он остановился возле меня.

— Госпожа Ланская. Если вы действительно меня не помните, ничего.

Я удивилась.

— Ничего?

— Видимо, у вас сейчас своих проблем хватает. Когда всё закончится, я принесу вам хлеб. Может, хоть его вспомните.

Он ушёл. Тильда проводила его взглядом.

— Орен никогда не отдаёт хлеб бесплатно.

— Я только что спасла ему пекарню на три дня.

— Именно поэтому получите две буханки.

Каэль закрыл шкаф.

— Нам нужно проверить, есть ли другие похожие случаи.

Словно город услышал его. В дверь постучали. Появилась молодая женщина в форме Реестра, запыхавшаяся так, будто бежала всю дорогу.

— Господин Арден.

— Что случилось, Нира?

Она замерла на секунду.

— Вы помните моё имя?

— Вы работаете в западном отделе четыре года. Почему я должен забыть?

Нира странно улыбнулась.

— Простите. Глупый вопрос.

Мне он глупым не показался. Каэль тоже понял.

— Говорите.

— Пришло ещё пять обращений.

— Каких?

— Несовпадение имён.

В лавке стало очень тихо.

— За какой период?

— С открытия Реестра сегодня утром.

— Раньше подобное было?

— Единичные случаи. Один или два в месяц, обычно ошибки в копиях. Но сейчас пять за два часа.

— Кто?

Нира перечислила фамилии. Каэль ни разу не переспросил.

После третьего имени он даже уточнил:

— У Лерна мастерская возле южных ворот?

— Да.

— У Мавии запись на дом совместная с сестрой?

— Да.

— А Кестер работает в портовом складе номер семь?

— Шесть.

Каэль нахмурился.

— Его перевели?

— В прошлом месяце.

— Понятно.

Он записал всё.

Я неожиданно поймала себя на том, что наблюдаю за ним не как за подозрительным дознавателем и не как за невозможным драконом.

Он действительно знал людей. Не абстрактных «жителей», не номера дел. Имена. Работу. Семейные обстоятельства. Даже изменения, произошедшие месяц назад.

— Кто принимал обращения? — спросил он.

— Я и Сорен.

— Где Сорен?

— Проверяет центральные записи.

— Передайте ему, чтобы ничего не исправлял.

— Он как раз собирался...

— Ни одной буквы. Сначала копия состояния, потом осмотр первичного документа.

Нира кивнула.

— Я скажу.

— И Нира.

Она остановилась.

— Ошибка не ваша.

— Я...

— Вы выглядите так, словно уже решили обратное.

Девушка опустила глаза.

— Первое обращение приняла я. Решила, что человек сам неверно назвал фамилию.

— Это разумная версия для одного случая.

— Если бы я сразу сообщила...

— Тогда мы узнали бы на час раньше. Это ничего не изменило бы.

— Но...

— Никаких «но». Возвращайтесь в Реестр. Если появится новое обращение, сразу присылайте сообщение.

Она заметно расслабилась.

— Да, господин Арден.

После её ухода я спросила:

— Вы всех сотрудников знаете по имени?

— Тех, с кем работаю.

— И где они работали до перевода?

— По возможности.

— Зачем?

Он посмотрел на меня так, словно вопрос был странным.

— Потому что я отвечаю за их работу.

— Обычно начальники считают, что это означает обратное.

— В вашем мире?

— И в моём тоже хватает людей, которые отлично помнят собственную должность и плохо — имена тех, кто под ними.

Тильда, до этого молча слушавшая, подняла палец.

— Прошу отметить этот момент.

— Какой? — спросил Каэль.

— Вера только что сказала о вас что-то хорошее.

— Я констатировала факт.

— Тильда.

— И вы сразу стали менее довольным. Какая жалость.

Каэль занялся документами. Я попыталась тоже. Тильда не собиралась позволять нам уйти так легко.

— Я просто хочу понять, сколько времени требуется человеку, чтобы перейти от «кто вы такой?» к изучению его достоинств.

— Я не изучаю достоинства Каэля.

— Очень быстро, — сказал он одновременно.

Мы оба повернулись друг к другу. Тильда рассмеялась.

— Великолепно.

— Что именно? — спросила я.

— Даже отрицаете одновременно.

— Мы ничего не отрицаем.

— Теперь уже только вы.

Каэль прикрыл глаза.

— Госпожа Фосс, у вас нет работы?

— Есть. Но она не разговаривает и поэтому проигрывает вам обоим.

Я указала на дверь.

— Ваша мастерская в трёх домах.

— Мне намекают?

— Очень прямо.

Тильда подошла ко мне, наклонилась и тихо сказала, хотя Каэль всё равно наверняка слышал:

— Если захотите узнать, каким он был до того, как начал изображать из себя ходячий свод правил, приходите.

— Тильда.

— Я ухожу.

Она действительно направилась к двери, но на пороге обернулась.

— И, Вера? Я не помню наш ужин. Но помню, что мне с вами было спокойно. Не знаю, имеет ли это значение.

На этот раз мне нечего было ответить. Тильда ушла. Несколько секунд я смотрела на закрытую дверь. Каэль не торопил.

— Вам тяжело? — спросил он.

— Очень странно.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Я вернулась к столу.

— Что будем делать с пятью обращениями?

— Разделимся.

— Нет.

Он поднял голову.

— Почему?

— Потому что вы не увидели изменение на документе Торвена.

— Теперь знаю, что искать.

— А я не понимаю местную систему и не смогу проверить последствия без вас.

— Это разумно.

— Спасибо.

— Не привыкайте.

За следующие четыре часа через лавку прошли трое из пяти пострадавших.

Первым оказался часовщик Лерн, у которого в фамилии исчезла одна внутренняя черта. Внешне буква почти не изменилась, но Реестр считал её другим знаком.

Вторая — женщина по имени Мавия Кресс — обнаружила, что её совместное право на семейный дом больше не подтверждается. В старой записи фамилия «Кресс» приобрела дополнительный элемент, будто одна линия была продлена на толщину волоса.

Третий случай оказался сложнее. Портовый служащий Кестер принёс документы, которые на первый взгляд совпадали идеально.

Я потратила почти двадцать минут, прежде чем поняла, что изменили не букву, а промежуток между двумя знаками. В их системе записи расстояние тоже имело значение при подтверждении сложного родового имени.

— Кто вообще придумал язык, где имущество можно потерять из-за расстояния между буквами? — спросила я.

Каэль сидел напротив, изучая выписку.

— Люди, которые не предполагали, что кто-то будет намеренно менять расстояние.

— Это слабое оправдание.

— Передам создателям системы, когда встречу их в загробном мире.

Я подняла голову.

— Это была шутка?

— Нет.

— Похоже на шутку.

— Работайте, Вера.

Я улыбнулась. К середине дня стало ясно: Торвен не был единственным. Кто-то изменял имена так аккуратно, что нарушение почти невозможно было увидеть без сравнения с оригиналом. Но в каждом случае вмешательство находилось там, где небольшая перемена давала крупный результат. Право собственности. Доступ к семейному счёту. Разрешение на работу. Регистрация дома. Не нужно было стирать человека из Реестра. Достаточно заставить систему сомневаться в одной букве.

— Вы понимаете, что это означает? — спросила я, когда последний посетитель ушёл.

Каэль стоял у окна.

— Что у нас как минимум шесть связанных случаев.

— Больше. Потому что мы видим только тех, кому изменение уже помешало.

Он повернулся. Я взяла чистый лист.

— Представьте, что имя изменили у человека, который сегодня не подтверждает право собственности, не подписывает договор и не обращается в Реестр.

— Он ничего не заметит.

— Именно. До первого действия, для которого понадобится совпадение записи.

Каэль подошёл к столу.

— Сколько таких людей может быть?

— Не знаю.

— В городе живёт больше двухсот тысяч.

— Спасибо. Теперь мне значительно спокойнее.

— Вы сами спросили.

— Я не спрашивала число.

— Но думали.

— Вы ещё и мысли читаете?

— Нет.

— Хорошо. Одного дракона мне пока достаточно.

Он сделал вид, что не услышал. Я разложила перед собой копии изменённых имён. Торвен. Кресс. Кестер. Лерн. Каждый случай отличался. Но принцип оставался одним. Микроскопическое изменение, которое человеческий глаз склонен пропустить, а система воспринимает буквально.

— Это очень профессиональная работа, — сказала я. Потому что человек понимает не только магию ваших записей. Он понимает, как люди читают.

— Объясните.

— Если изменить половину имени, каждый заметит. Если стереть строку, поднимется тревога. А одна черта выглядит как ошибка писца, повреждение бумаги, особенность почерка. Люди сначала обвинят себя, потом чиновника, потом качество копии. Пока поймут, что вмешательство намеренное, пройдет время.

— И преступник получит преимущество.

— И получит.

Каэль медленно провёл пальцем по краю листа.

— Вы называете его преступником.

— Если человек намеренно меняет чужие имена и из-за этого люди теряют права на собственность, думаю, термин подходит.

— Вчера вы осторожнее выбирали определения.

— Вчера у нас не было шести пострадавших.

Он кивнул.

— Согласен.

Это слово прозвучало неожиданно.

— Что?

— Ничего.

— Вы сейчас удивились тому, что я с вами согласился?

— Не делайте далеко идущих выводов.

— Не делайте из этого правило.

Я рассмеялась. Первый раз с момента появления в этом мире — по-настоящему, без нервного оттенка. Каэль посмотрел на меня, и на секунду его обычная строгая собранность исчезла. Не романтический момент. Просто короткое человеческое выражение на лице человека, который со вчерашнего вечера почти не отдыхал. Я заметила тёмные круги под его глазами.

— Вы спали?

— Немного.

— Сколько?

— Достаточно.

— Это не число.

— Вы теперь ещё и мой распорядок расследуете?

— Я выясняю, почему человек, который отвечает за половину города, выглядит так, словно собирается начать видеть вторую половину дважды.

— Я дракон. Нам требуется меньше сна.

— Удобно.

— Обычно.

Он отвернулся к шкафу. Я снова занялась документами, но мысль задержалась. Каэль действительно не жаловался. Не повышал голос на Ниру. Не обвинял служащих Реестра. Не отправил Торвена разбираться с рынком самостоятельно. Каждый новый случай записывал лично. Если что-то не понимал, спрашивал повторно. За официальной холодностью постепенно проступал человек, который относился к ответственности слишком серьёзно, чтобы использовать её только как привилегию. Это не означало, что он перестал раздражать. Просто теперь раздражал сложнее.

К вечеру пришёл Орин. Я сначала решила, что это очередной клиент.

Молодой мужчина лет двадцати четырёх вошёл в лавку с таким видом, словно имел полное право находиться здесь, остановился посреди помещения и посмотрел на меня.

— Вы вернулись.

Я не ответила. Правило Каэля. Орин это заметил.

— Правильно. Не отвечайте.

Каэль сразу оказался рядом.

— Кто вы?

Мужчина перевёл взгляд на него.

— Орин Мей.

— Откуда знаете госпожу Ланскую?

— Я работаю здесь.

Я посмотрела на него.

— Где?

— Здесь.

Он указал на пол.

— В этой лавке.

— Сколько?

— Три года.

— Мы знакомы?

Орин посмотрел мне прямо в глаза.

— Нет.

Каэль замер. Я тоже.

— Повторите, — сказал он.

— Я никогда раньше не видел настоящую Веру Ланскую.

В лавке стало настолько тихо, что я услышала тиканье часов на стене. Орин поставил на стол небольшую сумку.

— И если вы хотите узнать, что происходит с именами, вам нужно посмотреть одну вещь.

Каэль встал между ним и столом.

— Сначала объясните всё по порядку.

— У нас нет времени.

— Это я решу.

Орин посмотрел на меня.

— Госпожа Ланская, в нижнем архиве есть список.

— Какой список?

— Я не знаю, кто его составил.

— Откуда он там?

— Появился сегодня.

Каэль нахмурился.

— Как вы вошли в лавку?

— Через заднюю дверь.

Мы с ним одновременно повернулись.

— Здесь есть задняя дверь? — спросила я.

— Было бы полезно узнать об этом вчера.

Орин не понял шутки.

— Она открывается только из внутреннего двора.

Каэль приблизился.

— Что за список?

Орин достал из сумки сложенный лист.

— Этот.

Каэль взял его, но сначала не развернул.

— Вы делали копию?

— Нет.

— Трогали оригинал?

— Только чтобы снять с полки.

— Кто ещё видел?

— Никто.

Он передал лист мне. Бумага была старой. Слишком старой для записи, которая, по словам Орина, появилась сегодня. Я развернула. Имена шли столбцом. Некоторые мне ничего не говорили. Другие я уже знала. Орен Торвен. Мавия Кресс. Лерн. Кестер. Все люди, у которых сегодня обнаружились нарушения. Рядом с каждым именем стоял небольшой знак. У первых четырёх — перечёркнутая черта. Ниже находились ещё фамилии. Десятки.

— Каэль.

Он уже читал через моё плечо. Лицо стало жёстким.

— Это будущие цели.

— Возможно.

— Совпадения исключены.

Я провела пальцем ниже, не касаясь чернил. Список продолжался почти до самого края страницы. Имена торговцев. Служащих. Владельцев домов. Несколько человек с титулами. Потом я увидела фамилию, которую знала.

Каэль Арден.

Рядом стояли два знака. Не один. Два. Так же, как две отсутствующие части на его печати. Я подняла взгляд. Он тоже увидел.

— Значит, вас начали раньше остальных.

— Похоже.

— Почему?

— Не знаю.

Я уже собиралась сказать, что это слово опять ничего не объясняет, когда заметила последнюю строку.

Она находилась отдельно. Между предыдущим именем и последним оставили заметный промежуток. Чернила здесь были темнее. Свежие. Я прочитала сначала про себя. Потом ещё раз, потому что очень надеялась ошибиться.

— Каэль.

— Что?

Я повернула лист к нему. Он посмотрел. И впервые за всё время знакомства я увидела, как у дракона действительно меняется лицо от страха. Не удивления. Не тревоги. Страха. Последняя строка состояла всего из двух слов.

Элиара, королева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.